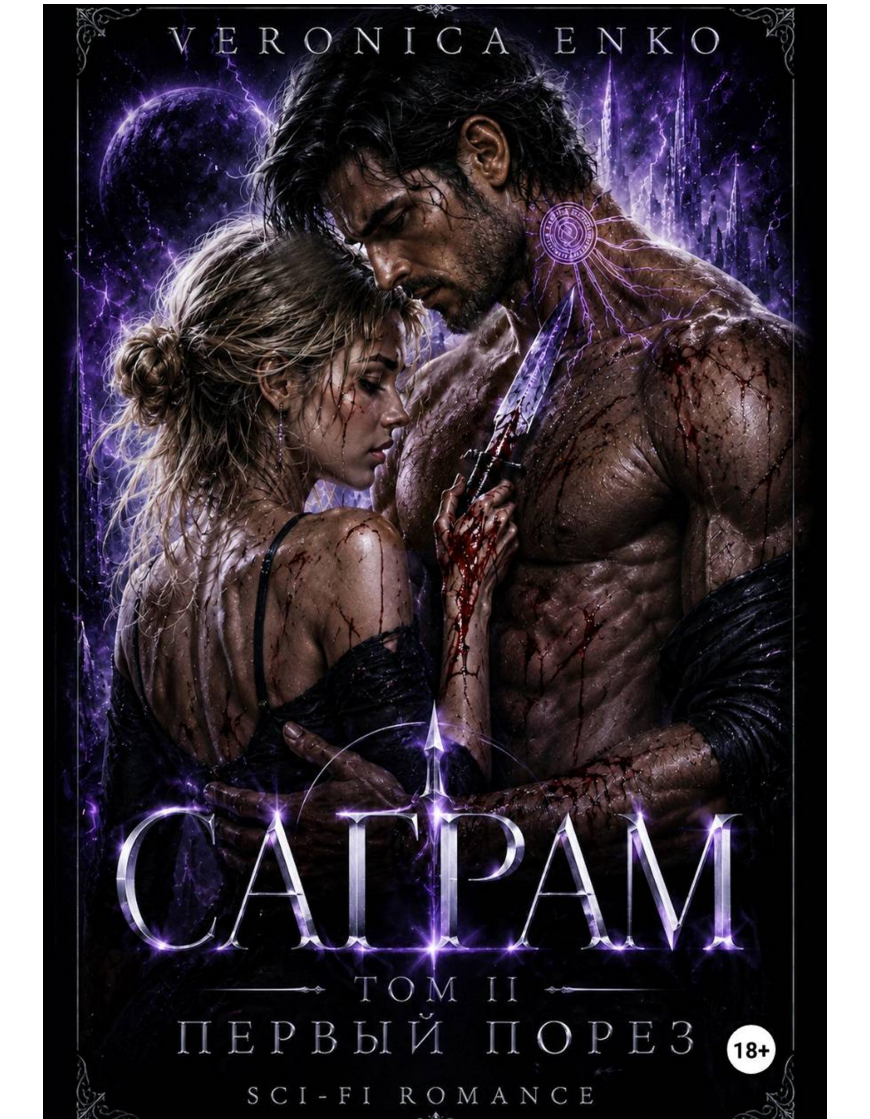

VERONICA ENKO

САГРАМ

— — — — —
ТОМ II
ПЕРВЫЙ ПОРЕЗ

SCI-FI ROMANCE

18+

Veronica Enko

Саграм. Первый порез

<https://litres.ru/74208742>

SelfPub; 2026

Аннотация

ВТОРАЯ КНИГА ЦИКЛА «САГРАМ»

Теперь во мне просыпается сила, которую боятся даже они. А вместе с ней — желания, мысли и чувства, которые уже невозможно контролировать. И чем глубже я погружаюсь в их мир, тем страшнее становится правда: мой первый порез был только началом.

«— Я тебя убью — тихо шепчу ему.

— Я буду ждать, мелкая, — он останавливается рядом со мной: высокий, надменный, бессердечный. — Оставлю тебе мои личные кинжалы. Тренируйся ими. И в следующий раз больше не сомневайся в своих действиях, ведь три секунды есть не всегда.

И уходит.

— Шесть, — тихо бросаю ему в спину.

Я отчаянно хочу кричать и скандалить, но все силы уходят на то, чтобы не разрыдаться снова. Боль адская.

Эта маленькая царапина на ноге болит так жутко, что зубы сводит от желания заскулить. Как же тогда болит его порез на запястье?

— Ещё три секунды я дал тебе, чтобы передумать. Но ты ими не воспользовалась. В следующий раз ты их не получишь.

— В следующий раз я кину на «раз», — угрожаю ему.»

Содержание

Глава 1. У нас «А» — самая главная	5
Глава 2. В раю «не» без изменений	38
Глава 3. Шестьдесят одна...	75
Глава 4. Эмоциональное фиаско	104
Глава 5. Быть с тобой в эпицентре, потому что я таблица с титулом «опасен»	126
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Саграм. Первый порез

Глава 1. У нас «А» — самая главная

*«Начинайте делать всё, что вы
можете сделать — и даже то, о чём
можете хотя бы мечтать. В смелости
гений, сила и магия»*

Иоганн Вольфганг Гете

СКОТТ

Успеваю закрыть щитом только на себя и на Лиссу. Смотрю обвинительно на Кайрона — он бы накрыл всех разом, не поморщившись, если бы захотел. Но Кай решил наблюдать в своей исследовательской «что же будет дальше» манере. Псих. Они с Каслом оба ненормальные. И теперь мой «гениальный» братец лежит без сознания на полу.

Туда ему и дорога. Мог дать ей время адаптироваться, осмотреться и понять, где она вообще оказалась. Но нет. Касл как всегда — пошёл на пролом. Внутренний шторм окончательно сжёг ему тормоза. Огромная сила, за которую его все так боятся, в этот раз сыграла против него же.

Мёртвым он не был — я бы почувствовал. Мы связаны родовым знаком, наша семья чувствует друг друга через него,

как через натянутую струну. Теперь к этому кругу добавились Лисса с Авророй. С момента, как узор на шее Лиссы замкнулся, я ловлю и её — отдалённо, но отчётливо. Как радиосигнал с другого конца галактики, который вдруг поймал частоту.

По залу начинают опускаться щиты. Первым подаёт голос Феликс.

— Напомни мне никогда тебя не злить, Лисса, — говорит он, отряхиваясь. — Не хочу получить энергетической волной по голове.

Лисса стоит в каком-то своеобразном шоке. Слезы прекратились, теперь в глазах один ужас. Она смотрит на Касла, на его истерзанную спину с торчащими осколками и огромную кровавую рану на голове. Досталось братцу знатно. Она пытается идти к нему, но пошатывается — слишком сильный выброс энергии и опять истощение.

— Касл... — тихо шепчет она и голос полон сожаления.

Да не надо его жалеть. Сильнее надо было приложить. Заслужил, — хочется мне ей сказать, но молчу и смотрю, как она делает шаг, второй — и беззвучно складывается на пол рядом с ним.

Почему меня это не удивляет? Ах да, — ведь это не первый раз, когда эти двое валяются на полу, как чёртовы Ромео и Джульетта.

Выругался. Громко. Феликс покосился на меня. Прекрасно.

Теперь у меня два бесчувственных тела и один маленький ребёнок, которого надо кормить и менять подгузники, пока эти двое обитают в царстве Морфея. Похоже, сказал это вслух, так как Феликс смотрит на меня с недоумением.

— Кто такой Морфей?

— Земной мифологический бог, — отмахиваюсь я.

Феликс самый младший из всех в этой экспедиции. Не всё ещё знает про Землю. Ну ничего, догонит. А я пошёл искать бутылочку. Кто-то же должен заботиться об этой семье, пока «взрослые» валяются в отключке.

И то ли от нервов, то ли от абсурда происходящего, я начинаю подпевать рэпчик:

— *Я несу подгузник — ритм мой лют, Не шучу, малышка, дядя крут. Я был грозой метеоритных трасс, А теперь твой нянь — и это высший класс! Йо!*

В меня умирает Шекспир. Ну или Эминем. В общем, кто-то из них.

ЛИССА

Что-то заставило меня резко прийти в себя.

Похоже, отключки становятся моей новой семейной традицией.

Взгляд упёрся в светящийся потолок. Никаких ламп или неона — плиты светились сами по себе, мягко переливаясь

оттенками синего и серебра, будто я смотрела на космическую туманность изнутри. Я замерла, наблюдая, как этот свет ровно и неторопливо дышит над головой.

Подо мной колыхалось что-то среднее между медицинской кроватью и тёплым коконом, чутко реагирующим на каждое микродвижение тела. Постель укрывала прозрачная ткань с лёгким голографическим отливом. Воздух — прохладный, стерильный, отфильтрованный сквозь тысячи слоёв неизвестных технологий. Никаких углов и грубых линий, всё округлое, плавное. Словно этот отсек не построили, а вырастили.

Медицинский отсек.

— Ты как себя чувствуешь? — раздаётся приятный женский голос.

Я замираю и поворачиваю голову в сторону звука.

Откуда здесь женщина?

— Думала, здесь один сплошной тестостерон вокруг, — произношу с недоверием.

— Ты ошиблась, — отвечает она спокойно и коротко.

Приподнимаюсь на локтях, вглядываясь в незнакомое лицо.

— Почему вижу вас впервые?

— Потому что не появляюсь на главной палубе. Предпочитаю отсиживаться в своей лаборатории, — отвечает она сдержанно.

Девушка подходит с каким-то странным прибором и при-

кладывает его к моим пяткам. Именно к пяткам. Ладно.

— Что это?

Она смотрит на меня, словно решает, как проще объяснить.

— По-нашему это называется сейрон, — наконец произносит она. — А если проще, это энергоизмеритель.

— Замеряет энергию?

— Остаточную и активную, — кивает она. — Уровень твоего энергетического потенциала, особенно после выбросов. Нам нужно понимать, насколько ты истощена и когда произойдёт следующий скачок. Ещё он измеряет уровень энергетической активности в твоём организме, — спокойно отвечает она, не отрываясь от прибора. — У землян этот показатель едва доползает до десяти процентов. Это остаточная активность, потому что в вашем виде отсутствует энергетическая бета-клетка. Она отвечает за усвоение, синтез и контроль потоковой энергии.

Моргаю, не сразу понимая, о чём речь.

— У омеговцев, — продолжает она, — уровень варьируется между семьюдесятью и девяностом процентами. У самых сильных — выше. Есть только один человек с полностью активным потоком. Угадай, кто?

Она хитро подмигивает мне.

— Без понятия, — приподнимаю брови.

— Твой муж, — выдала она с лёгкой улыбкой. — Ровно сто процентов. Уникальный случай идеальной синхрониза-

ции. Он не просто силён, он стабилен. Редчайшая мутация.

Насчёт его стабильности я бы поспорила, — зло подумала я, но вслух ничего не сказала, переваривая информацию. А доктор уже переключилась на новые данные:

— И теперь у вас ещё и дочь. У малышки я измерила сорок два процента. Потрясающий показатель для ребёнка в таком возрасте.

— То есть вы автоматически решили, что у меня тоже будет эта ваша энергия? — скептически поджимаю губы.

— Нет, Лисса. — Она становится чуть серьёзнее. — Это не «наша энергия». Это уже твоя. Точнее — твоя мутация. В момент энергетического соединения твой организм получил потоковое ядро. Особый сегмент энергетической ДНК, который запустил каскадную перестройку всей биоструктуры. Ты больше не полностью человек. Ты на переходной стадии. *Homo energetica hybridum*, если хочешь научный термин. Его, кстати, я придумала.

Чуть не прыскаю. Звучит как диагноз. Причём неизлечимый.

— В какой-то момент ты должна была почувствовать сбой. Теоретически. Что-то наподобие перегрева, ломки, сильной головной боли или дезориентации. Было такое? — настаивает док.

Подумав несколько секунд, отрицательно качаю головой.

— Может, какое-то аномальное событие? Из ряда вон? — не отступает она.

Вот же настырная.

— Да нет же. Ничего такого со мной не было, кроме... — голос предательски тихнет.

— Кроме? — теперь в её голосе появляется почти маниакальный научный интерес. — Рассказывай.

Перед глазами мгновенно встала Сибирь. Промёрзшая комната. И тот дикий, плавающий кости жар, который шёл изнутри, словно тело решило переписать само себя без моего согласия. Горло сдавило от нахлынувшего воспоминания.

— Сначала жуткие головные боли. Потом тошнота. В конце — галлюцинации и потеря сознания.

— Галлюцинации? Подробнее.

— Мне казалось, что я свечусь. Прямо из-под кожи летели искры, и всё тело изнутри вибрировало, — слегка морщю лоб, вспоминая то утро. — Тогда я решила, что умираю или схожу с ума. Одно из двух.

Доктор слушала меня молча, параллельно работая с интерфейсом. Данные висели прямо в воздухе прозрачной неоновой голограммой. Несколькими быстрыми взмахами пальцев она пересортировала графики и одним точным жестом смахнула весь массив данных в настенный терминал.

— К счастью, Лисса, — спокойно произносит она, — тебе не казалось. Это была начальная стадия адаптации твоего тела к нашей ДНК. Всё, что ты описала, — классическая манифестация пробуждения потоковой совместимости. Тот момент и был запуском мутации. И твои клетки начали пе-

рестраиваться, подгоняя себя под омеговскую матрицу.

— То есть я правда светилась?

— Не физически. Внутри тебя активировались новые энергетические узлы. На время организм начал выдавать избыточный резонанс. Скорее всего отсюда и визуальные эффекты.

— Прекрасно, — выдыхаю. — Теперь я светящийся, радиоактивный мутант. Отличный апгрейд.

Она усмехается.

— Ну, как минимум — уникальный.

Прибор у ног коротко пискнул, завершая анализ. Доктор скользнула пальцами по невидимой панели, и в воздухе над терминалом вспыхнули строки неизвестных мне символов. Она пробежала по ним быстрым взглядом.

— Ну? — спрашиваю с нетерпением. — Какой у меня уровень?

— Сейчас посмотрим, — отвечает она.

Пользуясь её паузой, я решаю прояснить один момент.

— Вы врач?

— Нет. Я учёный, — отвечает она, не отрывая взгляда от мерцающих показателей. — У нас на планете врачи — исключительно мужчины. Женщины же занимаются наукой. Только наукой.

Широко раскрываю глаза, не веря своим ушам. Девушка тихо рассмеялась, заметив мою мину.

А на меня лавиной навалилась реальность. Всё. Точка. Я

лечу к чужой планете и больше никогда не увижу Землю. У меня есть муж, которого я не выбирала. И дочь, которая умудрилась унаследовать от папочки всё, напроочь проигнорировав мою человеческую генетику. И мне придётся ради неё со всем этим мириться. Со всем. Даже с тем, чего ещё не понимаю и не хочу.

Док отрывается от монитора, смотрит на меня и вдруг говорит.

— Рада, что процесс осознания завершён, и ты смогла интегрировать эту новую реальность.

— Откуда... — я осекаюсь.

— От тебя исходила такая мощная, почти физически ощутимая волна спокойствия и принятия, что она едва не выбила меня из равновесия.

— Так, стоп, — я хмурюсь. — Я ничего не понимаю.

— Я эмпат, Лисса. Чувствую эмоции других. Почти физически.

— Эмпат? Серьёзно?

Как в фантастических книжках?

— Абсолютно. У нашей расы в принципе шире развиты врождённые способности организма. Эмпатия, сенсорика, управление потоками. Соответственно, и технологии у нас на ином уровне. Не хочу показаться надменной, но по шкале эволюции ваша цивилизация пока... скажем так, делает первые шаги в темноте.

Вот тут меня и прорывает.

— И чего же вы, такая развитая цивилизация, не можете завести детей? — вырывается у меня ядовитый вопрос.

Учёный опускает голову. В ту же секунду понимаю, что попала в самое уязвимое место и перешла все дозволенные границы. Грубо. Глупо.

— Простите, — шепчу я.

— До Сдвига всё было иначе, — тихо начинает она. — Наша репродуктивная система функционировала стабильно. Женщины Омеги беременели естественным путём и вынашивали ребёнка одиннадцать месяцев. Дольше, чем у вас, землян. Дети рождались здоровыми, мир продолжался.

Она замолкает, делает паузу. Пальцы чуть сжимаются на краю панели.

— Но после Сдвига планетарной оси и энергетического коллапса всё изменилось. Произошёл сбой в генетическом коде. Биоэнергетическая сеть тела начала конфликтовать с процессами клеточного деления. Родились ещё пара поколений, а потом наступила тишина. Полная бесплодность. Ни один эмбрион не приживался.

Молчу, придавленная масштабом этой катастрофы, а она продолжает ровно, но с горечью.

— Мы перепробовали всё. Генетическую реконфигурацию, нейроэндокринную коррекцию. Импланты, синтезированные матки, химерные модели. Ничего не помогло. Женская репродуктивная матрица стала несовместима с развитием плода. Мы начали сотрудничать с другими расами, но

и там фертильность была равна нулю.

— И тогда вы нашли нас, — произношу я.

— Вспомнили про вас, — корректирует она. — Земля. Одна из самых биологически нестабильных, но генетически гибких планет. Наши учёные определили, что у людей высокая вариативность ДНК, а главное, минимальный конфликт с нашей энергетической матрицей. Это дало надежду. Были организованы разные миссии наблюдения. Потом — первые попытки контакта...

— Похищения, — перебиваю тихо, не отводя взгляда. — Вы похищаете наших женщин и при этом называете нас неандертальцами.

Док горько, едва заметно усмехается.

— И вот после десятков неудач произошло первое успешное зачатие. Искусственное оплодотворение: синхронизация ядерных последовательностей, внедрение эмбриона в адаптированную матку. Полная интеграция плода и энергетической оболочки.

— Ага, — говорю я. — Дай угадаю. Вся ваша великая раса ушла в запой на радостях?

— Многие из нас не употребляют алкоголь. На нашей планете его совсем не найдёшь, — спокойно говорит она.

— Почему? — удивлённо приподнимаю брови.

То есть ещё и наш алкоголь тырят? Контрабандисты.

— Наша физиология основана на циркуляции биоэнергетического потока. Алкоголь, этанол, угнетает нейронную ак-

тивность. У нас он дополнительно нарушает резонанс в энергетических узлах. Даже базовые функции, вроде построения защитного щита или регуляции поля, становятся невозможными. Это может быть опасно не только для индивида, но и для окружающих.

— Понятно, — отзываюсь я, хотя в голове уже завязывался тугой узел из её терминов.

Док лишь понимающе качает головой, и продолжает:

— В тот день, когда мы впервые зафиксировали успешную имплантацию эмбриона земной женщины и вынашивание с сохранением жизнеспособности, у нас был настоящий праздник. Неофициальный, но масштабный. Это была первая надежда за столетия.

Слушаю внимательно, не перебивая.

— А потом, когда пришёл срок и ребёнок родился... Мы были готовы к любому результату, но не к тому, что получили.

— Что вы получили?

— Почти полностью человека.

— В смысле? — хмурюсь я. — А кем же он должен был быть, если не человеком? Рептилией? Женщина-то земная.

— Мы надеялись, что произойдёт не просто зачатие, а полная энергетическая интеграция, — объясняет она. — В идеале ребёнок должен был унаследовать как минимум пятьдесят процентов нашей генетики, включая альфа-фрагмент, отвечающий за доступ к Потоку. Или хотя бы стать гибридом

с работающими энергетическими центрами. Но у того плода не проявилось ни одного узла. Даже неактивного. Его ДНК отторгло наш код.

Док пристально вглядывается в моё лицо. Она машет рукой, мол, можешь вставать. Сажусь на край ложа, чувствуя, как медленно в голове начинают складываться кусочки этого пазла.

— Люди слабые, — произносит она без осуждения. — Живёте недолго, подвержены болезням, уязвимы к вирусам, стареете быстро. И главное, вы не интегрированы с энергией. А на Омеге всё существует внутри энергетической матрицы. Это как у вас кислород. Без неё мы просто умираем.

— Кажется, начинаю понимать, — отвечаю я.

— Вот именно. Первый ребёнок от земной женщины, как и последующие, был биологически жизнеспособным, но энергетически пустым. Он не имел активных узлов Потока, не обладал резонансной структурой. Жил чуть дольше вас, но этого недостаточно. Мы живём столетиями, Лисса.

— То есть все дети, полученные от людей, были такими?

— Во-первых, не рождённые, а полученные исключительно через искусственное оплодотворение. И то только в очень редких случаях, когда возникает частичная резонансная совместимость. Мы пытались несколько раз, потом забросили. Биологически вы подходите, но энергетически несовместимы. Две расы с невероятным сходством и одновременно кардинальным различием.

— А клонирование? Собственных, омеговских.

— Рождённые в лабораторных условиях начисто лишены Потока. Без материнской связи, без внутриутробной передачи биоэнергетического поля они не способны к полной стабилизации. Да и сама идея будущего, состоящего из клонов, неверна. Это вступает в непримиримое противоречие с нашей культурой.

Молчу. Мысли в голове мечутся, превращаясь в оглушающий монотонный гул. Док, не обращая внимания на моё оцепенение, продолжает.

— Понимаешь, Лисса, ребёнок, который развивается в матке, формирует энергетическую связь с матерью. Эта связь передаёт ему не только питание и кислород, но и чистую первичную энергию. Мы называем её архиплазмой. Это основа для формирования полноценной энергетической структуры. Искусственным путём мы не можем воссоздать этот поток. Он получается искажённым. Поэтому такие дети неполноценны. Они не наши и не ваши. Они лишь хрупкая копия, выживающая случайно.

В ушах звенит от плотности хлынувшей информации. Девушка замолчала, и на секунду в её глазах проступила застарелая боль.

— Мы были на грани исчезновения, Лисса. Вымирание стало нашей биологической реальностью. А потом появилась Аврора. Первая, у кого энергетическая структура стабилизирована и рождена естественно. Сорок два процента син-

хронизации. Это феномен.

Сжимаю кулаки. Моя дочь не просто ребёнок, а ключ к выживанию их расы. То, чего я боялась, уже произошло.

— И теперь вы хотите сделать из неё подопытную крысу?
— произношу я.

Док качает головой.

— Никто не собирается навредить ей. Но она изменила всё. Благодаря ей мы знаем, что естественная гестация с участием омеговца возможна. Ты первый случай, Лисса. Ты не просто мать. Ты ключ. Ты первая из людей, кто прошёл через полное энергетическое соединение. Всё, что с тобой происходит, ново не только для тебя, но и для нас. Ты и Аврора...
— в её голосе звучит неподдельное уважение.

— Я лучше умру, чем отдам своего ребёнка на опыты.

— Повторяюсь, никто не собирается делать из неё подопытную крысу, Лисса, — спокойно отвечает она. — Аврора — это самое ценное, что у нас теперь есть. Она наше будущее. Никто и представить не мог, что такое возможно. Это настоящее чудо. Но даже Касл со всей своей силой, положением и влиянием не сможет бесконечно сопротивляться Совету, если те решат провести анализы или начать официальное расследование. Пойми, вопрос уже не о вас двоих, а о выживании всей нашей расы.

— Да уж. Как у вас всё запутано, — мрачно вздыхаю я.

— Было, — она улыбается. — С твоим появлением всё начнёт распутываться.

И как в прошлый раз, она подмигивает мне. Странно, но мне начинает нравиться эта женщина. Она честна, не боится отвечать на острые вопросы и держится уважительно. Спокойная, но сильная. Она мне понятна.

— А как вас зовут? Мы тут с вами уже чуть ли не судьбы решаем, а я даже не знаю вашего имени.

— Хочешь полное или сокращённое? — с усмешкой спрашивает она.

— Полное, — я смотрю прямо на неё.

— Тиларини Ки'ра, — спокойно произносит она.

— Пожалуй, сокращённое мне понравится больше, — честно признаюсь я.

Я не успеваю извиниться за свою реплику, но док опережает меня и громко хохочет.

— Да уж, не говори, — усмехается она. — До сих пор удивляюсь, как такая развитая раса, как мы, умудрилась напридумывать столько длинных и нелепых имён. Благо молодёжь и те, кто пересёкся с Землёй, вовремя одумались. Стали брать пример с вас: коротко и звучно. Так что для всех я просто Тира.

— Уф, ну слава богу, — с облегчением выдыхаю я, и мы обмениваемся понимающими улыбками.

— У нас у военных ещё есть кодовые имена, — добавляет она уже серьёзно.

— Да вы, ребята, точно всё себе усложняете. Подожди. Ты военная?

— А что тебя так удивляет?

— Просто ты кажешься такой хрупкой и милой. Не сравнить с вашими машинами-убийцами. Даже не скажешь, что ты из военных.

Тира усмехается и качает головой.

— Лисса, наши женщины не особо отличаются от ваших по внешности. Мы просто сильнее. Наша генетика со временем адаптировалась и усилилась. Мы дольше живём, быстрее восстанавливаемся, учимся управлять не только телом, но и Потоком. А так мы почти одинаковы.

Тира делает короткую паузу и продолжает:

— Посмотри на Аврору. Обычный младенец, кроха. Единственное, что её отличает от обычного малыша с твоей планеты, — это потребность в энергетическом питании, а не только в пище. Как правило, мы это делаем через касание. Говорят, что это прекрасно. Но, как ты понимаешь, я никогда этого не чувствовала.

Молчу, переваривая услышанное. Моя дочь всегда казалась до абсурда обычной. Я и не догадывалась, какая необузданная сила дремлет в этом крошечном теле. И что ей необходимо не просто моё молоко, а нечто жизненно важное. Когда она родилась и я не обнаружила на её шее узора, то вздохнула с облегчением. *«Всё позади. Аврора — человек. И она только моя».*

— А вот наши мужчины — сильные, выносливые воины, — в голосе Тиры появляется сталь. Омега — лакомый кусок.

Её энергетическое ядро не имеет аналогов во Вселенной. Оно само производит чистую энергию, питающую все формы жизни и технологии. Враги мечтают её захватить. Старая кровь выгорает, воины гибнут. Если мы не вырастим новое поколение, нас просто сомнут. Теперь ты понимаешь, почему Совет вцепится в твою дочь мёртвой хваткой? Время работает против нас.

— Раз уж мы заговорили о выгорании... Тира, а тебе самой сколько лет? — я перевожу взгляд на её гладкое, почти юное лицо.

— По вашему или по нашему счёту?

— Давай и так, и так.

— По земному времени где-то сто шестьдесят. По нашему — сто лет.

— Охренеть, — у меня даже челюсть соскальзывает. — Вы там эликсир молодости вёдрами пьёте?

Тира снисходительно улыбается.

— Всё относительно, Лисса. Но да, мы одна из самых долгоживущих рас из всех, кого знаем. После нас литубы.

— Литубы? — перебиваю я, жадно ловя каждое слово.

— Их родная планета называется Литуб, — поясняет Тира. — На первый взгляд похожи на нас, если не считать угольно-чёрных глаз без белков и запредельных технологий. Когда-то мы были в союзе, но после катастрофы Врат Этарии они стали нашими основными противниками. Прямых войн не ведём, но стычки, нападения на дальние станции и

перехваты ресурсов происходят постоянно.

— А сколько Каслу? — спрашиваю я.

— Сама спроси, — хитро улыбается Тира.

— Тира-а-а...

— Ладно, ладно, — вздыхает она. — Он старше меня.

— О боже, — закатываю глаза. — Я спала со стариком!

— Ну, как сказать. С красивым, сильным, самым желанным стариканом на планете.

По бледной коже Тиры вдруг разливается отчётливый румянец?

— Сразу ответчу на твой немой вопрос, — быстро перебивает она, пытаюсь вернуть самообладание. — Нет, Касл мне не интересен. А вот по его брату я сохну уже не первый десяток лет.

— Скотт?

— Он самый, — Тира отводит взгляд.

— Ты его любишь, — тихо констатирую я.

Она молчит секунду.

— Это земное выражение, Лисса.

— А как по-вашему?

— У нас вообще такого выражения нет. Когда у нас любят, сразу делают предложение. Всё просто.

— Как это без «я тебя люблю»? Все же нуждаются в том, чтобы кто-то порой сказал эти слова.

— Мы не тратим время на слова, особенно эмоциональные. Мы не нуждаемся в постоянном подтверждении. У вас

на Земле любовь часто поверхностна, условна и, увы, корыстна. Я не хочу обидеть, просто наблюдала. Люди кричат, что любят друг друга, а потом предают, изменяют, даже убивают. Ради денег, статуса и желания быть свободными.

Она на мгновение замолкает. В её взгляде усталость и грусть.

— У нас по-другому. Для нас союз — это всё. Ваша любовь сгорает со временем, и в итоге — разводы и психологически травмированные дети. Наша, наоборот, крепнет, и мы становимся единым целым, где партнёр готов умереть за своего спутника, и с каждым годом связь только становится сильнее. В некоторых случаях развивается телепатическая связь. У нас нет разводов, и мы не предаём друг друга. Для нас брак — это навсегда. И мы в буквальном смысле понимаем ваши же слова: «пока смерть не разлучит нас».

— Жёстко, — признаю я, но упрямство берёт верх. — И всё же, должен быть какой-то аналог.

Тира усмехается, качая головой.

— Говорю же, Лисса, у нас всё проще и серьёзнее. Если мужчина и женщина чувствуют связь и готовы взять на себя ответственность, то партнёр предлагает женщине носить его саграм, и они синхронизируются.

— Тот узор, что выжжен на моей шее? — я касаюсь кожи, и меня передёргивает от нахлынувшего воспоминания.

— Да. Это знак рода Касла. В его семье его носят все, и теперь ты тоже. И Аврора.

— Почему в момент этой синхронизации было так больно? У вас это всегда так?

Ти́ра перестаёт улыбаться. Она смотрит на меня серьёзно, почти бережно.

— Нет, Лисса. Наши женщины рождаются с готовыми каналами. Для них принять чужой поток — как сделать вдох. Всё происходит мягко, без боли. У нас это, кстати, происходит во время секса.

— А со мной?

— Ты не была готова. Твоя энергетическая матрица полностью земная. Ни каналов, ни потоков, ни базовой адаптации, ни знаний, как это делается. Когда Касл взломал тебя, твоё биополе восприняло его поток как агрессию. Оттуда и боль. Это как если бы в неподготовленное тело внезапно влили огромное количество сырой энергии. Это нельзя назвать обычной синхронизацией.

Замолкаю на мгновение, не находя слов.

Касл знал, что мне будет больно.

— Он знал? — тихо спрашиваю я.

Ти́ра долго смотрит на меня. В её глазах понимание и что-то похожее на печаль.

— Думаю, он догадывался, — говорит она. — Но ты ведь знаешь Касла. Он упрям. И когда чувствует, что может потерять, действует резко. У вас всех троих не было времени на выбор.

— Выбор всегда есть, — грубо отрезаю я.

— Он защитил вас обоих от Совета, — парирует док. — Даже Касл не может пойти против них напрямую, несмотря на своё влияние. Но родовой саграм на твоей шее меняет правила игры. Жену члена Совета никто не имеет права тронуть. Это ведь действия против всего клана. А ваш клан — самый могущественный.

Польщена.

— А ещё он не знал, как по-другому. Ты... — она смотрит мне в глаза. — Первый такой случай в истории.

Отвожу взгляд. Всё, что чувствую, — это жар в груди и какую-то глухую боль. В этот раз не физическую.

— Аврора? У неё же нет знака.

— У чистокровных омеговцев узор проявляется сразу при рождении. Но поскольку её мать — землянка, процесс затянулся. Саграм проступит позже, будь уверена. Он уже там.

— То есть сейчас он невидимый?

Всё во мне протестует. До сих пор кажется, будто это странный сон, от которого никак не получается проснуться.

— Именно так.

— Давай я продолжу. Какая-то магическая способность к сканированию человеческого тела? — спрашиваю скептически.

Тира кивает.

— Верно. Мы чувствуем не только потоки, но и структуру ДНК, вибрации тела и даже глубинные энергетические узоры. Видим то, что вам недоступно.

Чем больше она рассказывает, тем сильнее чувствую, как границы моего привычного мира трещат по швам.

— Эта способность позволяет определить многое: пол, возраст, основные жизненные показатели, наличие сексуальной жизни и даже некоторые мелочи.

«Наличие сексуальной жизни»? Да вы издевайтесь?

— Это что, у вас где-то написано?! — иронично спрашиваю, приподнимая брови.

— Да нет же, — фыркает она.

Ну вот почему все эти высокоразвитые омеговцы так ловко переняли наши земные выражения? Тира, впрочем, продолжает.

— Всё проще, Лисса. Секс для нас — это не просто физика, это плотное пересечение Потоков. Когда двое сливаются, они оставляют друг на друге волновой след. Специфический маркер. У каждого живого существа этот след уникален по частоте и цвету. Мы не копаемся в твоих клетках, мы просто видим чужое сияние, которое въелось в твою ауру.

Я прижимаю ладони к вискам, признавая поражение и чувствуя себя, мягко говоря, неинформированной.

— Так, стоп. Переведи с военного медицинского на обычный человеческий. Я зависла.

— Объясняю на пальцах, — в глазах Тиры мелькает азарт. — Интим оставляет на твоём поле чужой автограф. Нашего энергетического следа не стереть, он навсегда. И он, ну, скажем, интенсивный. И прямо сейчас, Лисса, от твоего тела

несёт штормом Касла.

Док хмыкает, довольная произведённым эффектом.

— Капец. То есть получается, у вас на планете вообще нет секретов?

Тира театрально качает головой.

— Не совсем так, — продолжает она. — Каждый взрослый омеговец способен заблокировать или закрыть свой энергетический поток, чтобы не дать кому попало его отсканировать. В противном случае мы бы лишились личного пространства. Без блокировки можно узнать не только всю информацию о носителе, но и его точное местоположение. Мы называем это щитами.

— Ходячие GPS-трекеры, — бормочу я.

Гады. Высокотехнологичные, обнаглевшие чужаки.

— На самом деле мы гораздо круче, — с невозмутимым видом отвечает Тира, явно уловив мою мысль.

— И при этом невероятно скромные, — не упускаю случая вставить шпильку.

— Я оценила твой сарказм, — спокойно говорит она. — Но поверь, здесь нет никакого преувеличения.

— Получается, — медленно начинаю я, осознавая происходящее, — что всё это время все видели, с кем я спала?

— Именно, — подтверждает Тира. — У него очень яркий след.

Неудивительно, что меня сразу начали звать «девушка Касла». Его след буквально светился на мне, как неоновая

вывеска.

Она продолжает монолог, а я, залипшая в собственные мысли, ловлю последние слова:

— ...так я и увидела у малышки узор клана «О».

— Подожди, что? — дёргаюсь я. — Это название фамилии?

— Можно и так сказать, — она кивает. — Но скорее это классификация. Клан Ориген, или Правящий клан, самый влиятельный на Омеге. У него больше всего мест в Совете. Ниже идут кланы: Моракс, Еллейн, Гел’тар и клан А или Ар-санаар.

— Хм, у нас наоборот. «А» — самая первая буква, — подмечаю с усмешкой.

— Я знаю. Но у нас другие традиции и иная историческая иерархия, — отвечает Тира мягко.

И тут меня осеняет. Соединяю всё в одно целое, в одном коротком слове, и почти выкрикиваю:

— Омега.

— Всё верно, — говорит она. — Поэтому мы так и называемся.

Она ненадолго замирает и добавляет, понизив голос:

— В древности, знаешь, как мои предки называли нашу планету?

Отрицательно качаю головой. Откуда мне знать?

— «Планета Пяти Кланов».

— Ужасно длинное название.

— Согласна. Представляешь, каково было представляться: *«Тиларини Ки'ра Ренор из клана Еллейн, с Планеты Пяти Кланов»*.

— Слишком громоздко для расы, которая ценит секунды, — подхватываю я.

Тиры лишь коротко усмехается. Пользуясь тем, что эмпат сейчас настроена на диалог, я решаю копать дальше, ведь из Касла слова лишнего не выбьешь.

Интересно, как его зовут?

— Я правильно поняла? На Омеге пять правящих кланов и Совет?

— Всё верно. И самые важные решения принимает именно Совет. В него входят старейшины — самые древние и мудрые жители нашей планеты.

— Ну, в общем, всё понятно.

— А ещё у нас есть пять главнокомандующих, у каждого по два заместителя. И они тоже входят в Совет.

— Выглядит как идеальная схема для бюрократического ада, — замечаю я.

В глазах Тиры мелькает ирония:

— Ошибаешься. У нас всё завязано на баланс сил. В Совет также входят главы Научного Директората и Высшего Медицинского Корпуса.

— Я в культурном шоке.

— ...и, разумеется, Командование Космофлота.

— Жесточайший контроль, — подытоживаю я.

— Не контроль, Лисса. Выживание.

К Тире тянуло. Мы перешли на «ты» так незаметно, что я даже не поняла, когда именно это случилось. Просто в какой-то момент между нами исчезло то стеклянное расстояние, которое бывает с чужими людьми, и мы болтали как две старые подружки, у которых за плечами годы общих секретов. На чужом корабле. В чужой галактике.

Оказывается, на борту, кроме нас, есть ещё две девушки.

Первая — Минна, инженер-механик. Системы жизнеобеспечения. Родом из южного сектора Омеги, из мест, где всё построено прямо в скалах — и судя по всему, это что-то в ней и оставило. Гений по части ремонта, может починить что угодно даже с закрытыми глазами, но почти не разговаривает. Тира говорит, что если ты услышал, как она смеётся — считай, тебя приняли. Хороший повод напроситься к ней в отсек.

Вторая — Релия, садовник. Оказывается, омеговцы обожают зелень не только в еде, но и как энергию, как воздух. Есть поверье, что растения стабилизируют поток, поэтому сад на корабле — не прихоть, а необходимость. Релия высокая, светловолосая и почти всегда в зелёном комбинезоне. Она с виду кажется отстранённой, как сама тень, но Тира уверяет, что стоит с ней завести разговор о растениях, то она тут же оживляется и может не замолкать часами.

Мы ещё болтаем, смеёмся над какой-то мелочью, когда в блоке появляется Скотт.

— Девочки, — произносит он, и этого одного слова хватает, чтобы смех осёкся.

Мы обе замираем, как школьницы, которых застали за разговором на уроке. Он стоит в своём привычном стиле — руки за спиной, лицо ровное, непроницаемое.

— Вы закончили? — спрашивает он.

Ти́ра разворачивается к своему висящему в воздухе терминалу, пальцы скользят по данным с подчёркнутым спокойствием.

— Да, Скотт. Можешь проводить Лиссу к малышке, — делает паузу, будто перечитывает невидимые цифры в воздухе, и потом продолжает. — Уровень энергии ещё не стабилен, расчёты до конца не завершила. Потенциал хороший, способность сырая. Ей понадобятся тренировки. Я бы рекомендовала Кайрона. И физические упражнения, здесь подойдёт Атрекс...

— Исключено, — обрывает Скотт, не дожидаясь конца.

Ти́ра, не поворачиваясь, пожимает плечами и продолжает:

— Тогда Алек. По лингвистике — Дарк, у него отличная методика. И перемещение — ты. У меня всё, — сухо заканчивает она и снова утыкается в панель.

Похоже, у меня скоро начнутся уроки. Программу обучения, разумеется, составляют без моего участия. Плевать. Мне и самой нужно разобраться, что за сила рвёт меня изнутри — осколки переборки в жилом блоке до сих пор стоят перед глазами.

Что-то внутри меня меняется. Что-то, чего я пока не понимаю и не контролирую. И это, честно говоря, пугает меня больше, чем всё остальное здесь вместе взятое.

С появлением Скотта от лёгкой и улыбающейся Тиры не осталось ни следа. Будто кто-то нажал кнопку — и она вернулась в роль сосредоточенного, до мозга костей академичного учёного.

Он подходит к ней почти вплотную и, кажется, хотел что-то сказать, но передумал. Просто замер на секунду, а потом резко отступил. Глубоко вздохнул, отвернулся и пошёл к выходу.

— Пошли, Лисс, — бросает через плечо, не глядя на меня.

Я киваю, но медлю. Смотрю на Тиру. Она стоит неподвижно, чуть опустив голову. Так замирают те, кто привык принимать удары молча. Тут эмпатия не нужна. Она любит его. И он, судя по тому, как поспешно ушёл, тоже. Но у них строят Советы и безупречные иерархии, а сказать «останься» не учат.

Я догоняю Скотта. Он идёт быстро, почти не оглядываясь, и я бегу рядом, чувствуя себя хвостом кометы, которую никто не звал.

— Чего ты так несёшься? — возмущаюсь я, задыхаясь.

Он резко останавливается, и я врезаюсь в его спину. Не успеваю даже возмутиться, как он поворачивается ко мне и внезапно крепко обнимает меня. Что это было? Скотт держит меня плотно, прижимая к себе, и это уже точно не про-

сто дружеское «осторожнее».

И в ту же миллисекунду мир исчезает.

Не постепенно. Не плавно. А раз, и нет его. Пространство схлопывается в точку, и я лечу сквозь что-то, у чего нет ни цвета, ни звука, ни верха. Потом — удар. Твёрдый пол под коленями, яркие звёздочки перед глазами и ощущение, что желудок остался где-то там, откуда мы прыгнули.

— Это был первый урок от меня. Сдвиг, — ехидно комментирует он сверху.

Я поднимаю на него взгляд с пола и готова его убить.

— У тебя сдвиг?!

— Пространственный прыжок, — спокойно объясняет он.

— Говорят, первый раз всегда отстой. Это правда?

— Ты сволочь.

— Привыкай. — Тон становится серьёзным, почти жёстким. — Прыжки — это обычное дело. Тебе самой скоро придётся учиться.

Я встаю, отряхиваю колени от несуществующей пыли и решаю ударить по больному.

— Теперь понятно, почему Тира тебя игнорирует. На её месте я бы сделала то же самое. Ведь сдвиг — неизлечимая фигня.

Тишина.

Я слышу, как он сжимает зубы. И чувствую раньше, чем понимаю, что воздух вокруг нас изменился. Похолодел. Без предупреждения, как окно, распахнутое в январь. По коже

побежали мурашки, дыхание вырвалось изо рта белым облаком, и понимаю, что не могу пошевелиться. Не потому что боюсь, а потому что холод добрался до мыслей — и они просто остановились. Стали тихими, пустыми, как замороженный воздух между нами.

Он стоит вплотную и холодно смотрит на меня.

А потом что-то свистит в воздухе — и Скотт взлетает. Врезается в стену с таким грохотом, что эхо катится по коридору. Холод испаряется, и я, наконец, делаю нормальный вдох.

— Ты что творишь?!

В конце коридора стоит Касл. Одежания распахнуты, на обнажённом торсе багровеют свежие следы недавнего взрыва. Лицо искажено неподдельной яростью. Жив. И судя по голосу, готов убивать. Урод.

Скотт поднимается на ноги, тяжело дыша и процеживая сквозь зубы:

— Она сама спровоцировала...

Дальше они переходят на свой язык — резкий, отрывистый, бьющий наотмашь интонациями, которые совсем не похожи на братский разговор. Челюсть Касла сжата, кулаки побелели. До драки остаются секунды. Опять

Как я устала.

До дрожи в коленях и до полного онемения чувств. Мне до смерти надоели их вечные стычки и мой собственный вечный шок, ставший новой нормой. Хватит.

— Развлекайтесь, — хрипло бросаю я, разворачиваясь спиной к обоим.

Зуб на зуб не попадает после ледяной волны Скотта, но я заставляю себя идти ровно. Пусть убивают друг друга, пусть выжигают всё дотла. С меня хватит их вечной войны. В этом мире у меня остался единственный якорь, ради которого стоит дышать. И тратить секунды на их ярость я больше не намерена.

Слева от меня бесшумно открывается дверь, и она ведёт в комнату моей малышки. Здесь очень тихо, почти стерильно, но не холодно. Наоборот — тепло, уютно и светло, будто сама комната охраняет покой маленького существа внутри.

Аврора.

Моя девочка безмятежно спит, раскинув крошечные руки. Её грудь медленно, размеренно вздымается.

Не знаю, как долго стою, просто глядя. Меня захлёстывает всё сразу: облегчение, любовь, страх, нежность... И вина. Вина за всё, что я думала, что чувствовала, что не понимала.

Подхожу ближе и касаюсь пальцами её тёплой ладошки.

— Привет, моя крошка, — шепчу. — Мамочка здесь. Прости, что так долго.

Позади раздаются тяжёлые шаги Касла, но он останавливается у самого входа, не нарушая границ.

Смотрю на дочь и знаю, что ради неё я всё выдержу. Научусь этим прыжкам, этой энергии, всему. Ради неё я стану омеговкой, хоть с хвостом и антеннами. Но пока я просто ма-

ма с Земли. И Аврора — мой космос.

Глава 2. В раю «не» без изменений

«Лучшая месть — огромный успех»

Фрэнк Синатра

ЛИССА

— Ты в порядке? — в его голосе слышится тревога. Это неожиданно приятно, но я молчу и даже не поворачиваюсь к нему.

Аврора кряхтит, и я бережно поднимаю её на руки. Она тёплая, маленькая и такая родная. Обнимаю её крепче, будто только она может удержать меня в равновесии. Внутри клочет глухое желание сорваться на крик. Против лжи, неизвестности, постоянной борьбы и новых правил, в которых я пока даже не умею ориентироваться.

Подхожу к огромному панорамному окну — прошлый раз, кстати, его не было — и замираю. Передо мной — безмолвный и чарующий космос. Сотни звёзд, близкие и далёкие, крупные и почти незаметные, рассыпались по тёмной пустоте, как драгоценные крошки.

Смотрю на свою малышку в своих руках и очередной раз осознаю, что она не человек, что я больше тоже... не чело-

век. Наша жизнь изменилась радикально и всё такое новое, страшное и ненадёжное. Всё, что раньше казалось стабильным и понятным, превратилось в мираж. Я в другой галактике. Среди чужих. В мире, где мои знания ничего не значат, где всё, что у меня есть — это ребёнок и моё собственное желание выжить.

Больше всего я осознаю, что я потеряла к нему доверие. Касл никогда не ставил мои интересы в приоритет. Он поступал только в интересах своей планеты. Да, он защищает Аврору. Но не меня. А я ведь не просто часть уравнения.

Я чувствую себя ужасно невежественной, глупой и неуклюжей. Словно застыла в прошлом, пытаюсь дышать в новой реальности. Не такая сильная, не такая быстрая, не такая могущественная... вся «не такая». И я обязана стать одной из сильных, потому что я единственная, кто сидит в первой линии моей обороны и я сама себе свой главный человек.

Последний самурай.

Как это пафосно звучит. Мне нравится.

Моя крошка открыла глаза, улыбается мне, и я кайфую. В этот момент внутри меня что-то замирает и распускается одновременно. Её улыбка... ради неё можно пойти на всё, выиграть войны или проиграть их. Опуститься на колени, если нужно. Унижаться, просить и жертвовать. Ради этой улыбкой я сделаю всё, что от меня захотят, и даже больше.

Аврора не ищет грудь, она ищет другое, я уже понимаю это. Её тело тянется за энергетическим, мать её, питанием.

До сих пор звучит как фэнтези.

Прости, маленькая. Я пока не умею давать то, что ты хочешь. В этом деле у нас только твой папа мастер.

— Покажи, — шепчу я, не оборачиваясь.

Касл приближается бесшумно. Замирает за спиной, в паре сантиметров, так и не коснувшись. Я кожей улавливаю жар его тела и дыхание, запутавшееся в моих волосах. Он стоит так близко, и в то же время между нами пропасть.

Почти можно представить, как это могло бы быть.

В идеальной сцене из мелодрамы героиня сейчас расслабилась бы. Позволила бы себе откинуться назад, упереться спиной в его грудь и закрыть глаза, чувствуя, как сильные руки замыкают кольцо вокруг неё и ребёнка. Один момент — и всё такое идеальное. Он, она, ребёнок. Семья. Формула стара как мир.

В этот момент мне хочется орать от тоски и зависти к этим вымышленным персонажам. К тем, кто ссорится из-за посуды, мирится за кофе и где самая большая драма — это выбор платья на вечеринку. Хочу в эту простую, земную историю с любовью, с поцелуями на лбу, с «я дома» и «не забудь купить хлеб».

Но мы не они. И наш сюжет пишется иначе.

Мы — не нормальная семья. Мы — не из того идеального мира, и газон у нас не зарастёт. Вместо этого у нас космос, Советы, потоки, и ненависть.

— Ты нестабильна, — говорит он спокойно.

«Ты нестабильна», а звучит как «ты не такая».

— Твой поток ещё формируется. Тебе предстоит многое узнать, научиться направлять его и чувствовать, — продолжает он.

Он сразу понял, о чём я. Меня всегда пугало это странное взаимопонимание между нами. Словно наши нейронные связи переплелись задолго до той встречи. Иногда мне казалось, что он действительно читает мои мысли. Но как жаль, что эта связь осталась только на уровне мыслей и не выросла до чувств.

Я поворачиваюсь с Авророй к нему, и молча передаю ему малышку. Касл перехватывает дочь бережно, улыбается ей, и целует в лоб. Аврора отвечает ему точно такой же безмятежной улыбкой, какую мгновение назад дарила мне.

Мне хочется кричать вслух: «*Не смей ему улыбаться, он не друг. Всё из-за него*». Но здравый смысл берёт верх над темнотой, которая копится во мне и глушит крик. Он — её папа и имеет на неё такое же право, как и я. Более того, он единственный, кто сейчас может дать нашей дочери то, чего я лишила её почти на полгода.

— Наши женщины обычно совмещают грудное кормление с энергетическим, — говорит Касл, — по крайней мере, моя мама так делала. Скотт получал двойной концентрат.

«Моя мама». Эти слова режут, словно тонкое лезвие. Мы летим к его семье, к его дому, и к его корням, а мой дом остался где-то там, далеко за границей Млечного Пути. Он

растворился в миллионах световых лет, оставаясь в недостижимом прошлом.

Внутри всё закипает. Мне хочется его ударить и уничтожить к чёрту.

Мой взгляд темнеет, губы сжимаются в тонкую линию. Конечно, он всё считает. Как всегда.

Он наклоняется к моему лицу, резким движением. Его глаза скользят по моим чертам — лоб, брови, глаза, губы — будто он пытается разобрать по кусочкам. Взгляд такой сосредоточенный, внимательный, словно я головоломка, которую он когда-то знал, но теперь не может разгадать.

— У нас есть Аврора, Лисса, — его голос становится твёрдым, почти чужим. — Ей не место на Земле. В её геноме преобладает моя ДНК, она не человек и ты это знаешь. Ей нужен другой мир.

— Мы могли бы... разделить среду проживания, — произношу тихо, почти шёпотом, закрывая глаза. Я сама не верю в свои же слова.

— Это изначальный провал, Лисса, — констатирует он невозмутимо, немного отстраняясь от моего лица. — У нас время течёт иначе.

Он делает паузу, давая мне переварить услышанное, и продолжает:

— Другая орбитальная скорость, другая продолжительность суток, и биоритмы организма тоже подстраиваются под местную хроносферу. Возвращаясь туда, ты будешь терять

время, Лисса.

Шея затекает от необходимости смотреть на него снизу вверх, но я не отворачиваюсь. Жадно фиксирую мимику, ловя каждое слово. На мгновение в этой фальшивой семейной идиллии хочется раствориться, забыть, где нахожусь, куда мы летим, и почему я начала его ненавидеть. Но стоит мне это подумать, как внутри поднимается тяжёлая волна. Как же мне горько.

Предатель. Хочу мести.

Касл снова наклоняется ближе, всматриваясь мне в глаза. В этом нет тепла — только холодный расчёт и попытка залезть под череп.

— Как тебя зовут? Как *меня* зовут? — спрашиваю я.

Он ухмыляется.

— Это единственное, о чём ты хочешь поговорить, принцесса? — лениво спрашивает он.

Нет.

Мне хочется на тебя наорать, и спросить, зачем ты меня разрушил и не дождался. Спросить даже про твою эту Кармен, но понимаю, что она была там вместо твоих слов, потому что ты слишком трус, чтобы сказать обычное «прощай». Хочу тебе даже очередную пощечину зарядить.

Но вслух я говорю только:

— Да. Должна же я знать имя отца моего ребёнка.

Он опасно прищуривается, но всё же натягивает ухмылку на губах. И это слишком спокойное и слишком уверенное

выражение бесит меня ещё больше.

— Меня зовут Касл'Аэронтаар Кайлар из Клана Ориген. Касл'Аэронтаар — это моё полное имя. Кайлар — по-вашему, как фамилия. В конце — имя клана. Мою дочь зовут Аврора Кайлар из Клана Ориген. И мою жену — Лисса Грин Кайлар из Клана Ориген.

Он произносит это спокойно. Чётко. Словно читает древний клятвенный свиток, и ни на секунду не отводит от меня взгляда. Ищет реакцию. Ждёт вспышки, скандала или крика. Всё, что угодно.

Но я молчу.

Лисса Грин Кайлар.

Это звучит как проклятие.

— Клэр...

— Мы не можем сказать ей правду, ты же понимаешь, — холодно и механически перебивает он меня.

Не можем, потому что правда неудобна. Потому что им плевать на землян. На наши чувства, родственные связи и последствия их визитов. Они приходят, берут и исчезают без объяснений, без сожалений и права на вопросы.

А Клэр? Пусть сходит с ума от неизвестности. Пусть мучается и проживает свою беременность в страхе. Для его великой цивилизации чужие эмоции — не больше чем фоновый шум. Пустяки, не достойные внимания.

Меня скручивает в узел. Злость душит меня, не давая сделать полноценный вдох. Но самым горьким завершением

этого вихря становится невыносимое разочарование.

— Мне не подходит такой сценарий, — бросаю я, сдерживая дрожь.

Давай Касл.

Скажи ещё что-нибудь, чтобы я смогла окончательно тебя возненавидеть. Добей меня своими безупречными аргументами с позиции Омеги, как ты умеешь — отстранённо и хладнокровно. Без учёта меня. Без учёта нас.

Стою прямо, вскинув подбородок, и открыто смотрю в его невозможные глаза. Жду приговора.

— Без исключений, принцесса, — отрезает он.

Приговор вынесен. Обжалованию не подлежит. В эту самую секунду я окончательно хороню его внутри себя. Навсегда.

— Всё в пределах протокола, не так ли? — спрашиваю я его злобно. — Подготовь мне всю информацию о моих правах в качестве твоей жены. Я ведь теперь Лисса Грин Кайлар из Клана Ориген, — выплёвываю я эти слова, как что-то очень противное, и продолжаю: — Правящий клан, мать его. Хочу знать, как далеко распространяется моя власть.

Касл поднимает удивлённо брови.

Да, милый, война так война. Я быстро выучу новые правила, и эта партия останется за мной, будь в этом уверен. Ведь, как там говорят? «То, что нас не убивает, делает нас сильнее»?

Я оставляю их одних и выхожу из комнаты, или, правиль-

нее сказать, из каюты. Куда? Не знаю. Двери сами отворяются передо мной, и в этот раз не нужно нажимать на какие-то оранжевые точки. Я бросаюсь вперёд, не разбирая маршрута, кусаю губы, но слёзы всё равно катятся по щекам.

Опять слёзы. Проклятая человеческая слабость, которой здесь не место. На вражеской территории не плачут.

Коридоры кажутся бесконечными. Одни — узкие, металлические, с мягкой подсветкой вдоль пола. Другие — широкие, с панелями, где вместо стен текут потоки света, как если бы энергия дышала сама по себе. Здесь нет углов, только плавные переходы, скруглённые углы, голографические схемы и редкие символы. Всё стерильно, технологично, слишком чуждо. Я будто внутри живого организма, который наблюдает за мной и терпит меня.

Я не запоминаю путь назад, да и не пытаюсь. Бесполезно. Он всё равно найдёт меня по щелчку пальцев. Достаточно просто сканировать пространство, и он узнает, где я. Где бы я ни пряталась — я у него на ладони.

Очередная дверь с тихим щелчком открывается, и я вхожу в комнату, утопающую в полумраке. Стены, пол, потолок... всё исчезло. Чувство такое, будто я шагнула прямо в открытый космос.

Под ногами — бесконечная глубина, над головой — хаотичные вспышки далёких звёзд. Это волшебно. Что-то врежется в корабль, я слышу глухие удары, но всё это наверняка блокируется внешним щитом.

В самом центре помещения, почти статуей и спиной ко мне, стоит Атрекс. Он замер, вскинув голову вверх. При моём появлении он лишь слегка поворачивает голову через плечо, но так и не разворачивается ко мне. Ни слова. Просто взгляд и молчание.

Я подхожу ближе и присоединяюсь к нему. Мы стоим рядом, ничего не говоря, и долго смотрим вдвоём в космос. Всё внутри постепенно стихает. Впервые за долгое время нет ни гнева, ни тревоги — только это странное, неожиданное ощущение уюта. Гармонии.

С Атрексом всегда так, спокойно и тепло. С ним не нужно объяснять, что ты чувствуешь. Он просто рядом и этого достаточно.

— Ты привыкнешь к той планете, Лисса, — нарушает он тишину наконец.

«*К той планете*» прозвучало как-то отстранённо. Не «*к нашей*», не «*к своей*».

— К ней все привыкают, — добавляет он после короткой паузы. — Она... умеет располагать к себе.

В его голосе нет ни убеждения, ни попытки успокоить. Как будто он говорит это не мне, а себе. Словно вспоминает что-то своё, старое.

Тишина возвращается к нему, и он перестаёт смотреть на меня, отдавая всё внимание звёздам. Его взгляд будто преследует невидимую траекторию за прозрачными стенами, и в этом молчании я понимаю, что я вторглась туда, куда не

следовало. Он был на расстоянии световых лет, а я дерзко выдернула его назад.

Мы снова долго молчим. И в этой тишине нет неловкости — только комфорт.

— Расскажи мне про ваши кланы, — прошу я тихо, не глядя на него.

Атрекс поворачивает голову в мою сторону и ухмыляется. Даже фыркает носом, слегка, насмешливо.

Хм. Что это сейчас было? Неужели «в раю не без изменений»? Не все довольны системой? Интересно, интересно.

— Ладно, — протягивает он. — Начну, пожалуй... с твоего.

Он снова ухмыляется, но теперь мы оба фыркаем в унисон. И оба, также синхронно, расплываемся в одинаково широких улыбках.

— Ориген. Правящий клан, — начинает он с преувеличенной серьёзностью, как будто читает вступление к древнему свитку. — Старейший род, несущий в себе власть, мудрость и кровь основателей. Именно из него выходят все Верховные Стражи, Правители, Координаторы и Хранители Системы. Их дар — контроль, их наследие — закон и порядок. Представители клана «О» рождаются с отметиной: спиралью света, сверкающей под кожей. Их слово является последним приговором. Ось, вокруг которой вращается всё.

Он делает театральную паузу и с ехидной улыбкой добавляет:

— Твой муж — сын правителя клана Ориген и один из членов Совета, принцесса. — издевательски смеётся он, и даже умудряется делать мне поклон.

Вау, да я, оказывается, вышла замуж за одну из самых важных шишек на всей Омеге. Сын великого кого-то там, член Совета, весь такой сияющий, с генетической меткой под кожей. Ну, ничего себе. Я прямо чувствую, как во мне медленно загорается гордость за свою причастность к такому элитному клубу.

Три. Раза. Ха.

Плевать я хотела на всё, что вращается вокруг их священной «оси».

— Второй клан — Моракс, — продолжает Атрекс урок истории и повествование. — Клан тактики, войны и стратегического мышления. Их называют «Кулаком Омеги». Дети там учатся держать оружие раньше, чем говорить. Военные Академии, Флоты, командные структуры — всё это их поле. Именно они ведут флотилии, подавляют бунты, держат в страхе внешние угрозы и остальные планеты.

Он делает паузу и лениво качает головой.

— Сильные. Прямолинейные. Опасные. Без них не выжить. Но с ними не спорить. Только есть один нюанс.

Он усмехается и продолжает:

— Дети у них уже давно не рождаются. Бунты — немного не в моде. Так что... можно сказать, они *в отставке*, — с язвительной насмешкой добавляет он, отчётливо наслажда-

ясь этой формулировкой.

Я хмыкаю. Представила себе отряд огромных, грозных во-
як с золотыми наплечниками и мрачными взглядами, сидя-
щих на лавке и кормящих голубей.

— Продолжать? Тебе не скучно? — лениво спрашивает
он, скользя по мне взглядом.

— Шутишь? — фыркаю. — Я сгораю от любопытства.

Особенно если следующий клан тоже переживает кризис
среднего возраста. Давай, профессор, продолжай свой курс
«Как угасают империи».

Кстати, почему это Атрекс также настроен немного враж-
дебно по отношению к кланам?

— Третий. Еллейн, — продолжает Атрекс. — Клан учё-
ных, исследователей, инженеров и хранителей технологий.
Без них не было бы кораблей, Кодов, системы регенерации,
телепорта и прочей высокотехнологичной радости. Их умы
— это сеть. Если Ориген управляет, Моракс защищает, то
Еллейн — создаёт.

— Это клан Тиры, — прерываю я, сопоставляя детали.

— Всё верно, — подтверждает он, чуть кивая.

— А дальше? — подталкиваю, уже с настоящим интере-
сом.

— Следующий — Гел'тар, — говорит он, и тон становится
чуть тише. — Клан медиаторов, эмпатов, телепатов. Храни-
тели ментальной связи. В их присутствии почти невозмож-
но лгать, они невероятно сильные и они всё чувствуют: го-

лос эмоций, внутренней правды, интуиции. Кто-то считает их пугающими, другие — называют Голосом Истинного Я.

— Дай угадаю. Кота и Сарп?

Атрекс усмехается, смотрит на меня чуть дольше обычно-го.

— В яблочко. Они оба из Гел’тар. Ты начинаешь ориентироваться.

— А ты? Из какого? — спрашиваю я, немного наклоняя голову.

Он не отвечает сразу. Смотрит на меня долго, как будто что-то взвешивает внутри, продолжать рассказ или закрыть-ся. Его взгляд скользит по моим чертам, потом медленно поднимается вверх, к звёздам. И он замирает.

Молчание опять тянется, а секунды кажутся минутами. Я уже начинаю думать, что с этим кланом что-то не так. Какие-то тайны, протоколы, секреты, закрытая информация, которую мне знать не положено, возможно, сейчас он мягко отойдёт от темы, уйдёт в философию, или просто промолчит.

Но он неспешно говорит:

— И пятый клан. Арсанаар.

Голос звучит иначе, становится идеально ровным и лишённым интонаций, словно каждое слово перед произнесением пропускали через строгий фильтр.

— Отступники. Искатели. Странники. Никто точно не знает, чем они занимаются. Их территории закрыты. Много

сферы влияния. Их корабли — это их дома. Их цели — туманны. Говорят, они ищут ответы на вопросы, которые другие боятся даже задать. А ещё говорят, что никто до сих пор не знает, где находится их... локация.

Он делает паузу. Атрекс глубоко вздыхает, будто сбрасывает с себя груз молчания, и произносит:

— Меня зовут Атрекс' Таэлд Энмар из Клана Арсанаар. И я являюсь его правителем.

Ого-ого. Я, оказывается, на приёме у самого короля странников. Где мой галактический дресс-код, когда он так нужен?

— Имею честь, Ваше Величество Атрекс' Таэлд Энмар из Клана Арсанаар, — театрально произношу я, грациозно приседая в книксене.

Он смеётся. Сначала тихо, потом громче, и вот мы уже хохочем вдвоём, как двое детей, сбежавших с официальной церемонии. Когда наш хохот стих, он прощается и направляется в сторону выхода.

— Так что там со слухами, Ваше Величество? — не унимаюсь я, приподнимая бровь. — Врут они? Или всё-таки что-то в них есть?

Он останавливается у выхода, бросает на меня взгляд через плечо и с лукавым прищуром говорит:

— Слухи, Лисса, на то и существуют, чтобы их обсуждали.

Он подмигивает и выходит, а я остаюсь стоять в этой прозрачной комнате, окружённая звёздами и пустотой.

Ещё один вопрос отправляется в мою личную копилку нерешённых загадок. Там уже скоро будет тесно.

Клан Арсанаар. Отступники. И Атрекс его правитель — ходячая тайна, обёрнутая в спокойствие и самодостаточность. В нём не чувствуется жажда к власти, нет показной важности и нет этой надменной маски. Он будто вообще не из той оперы, а из совсем другой книги, из другого жанра, не с той планеты.

Уравновешенный, сдержанный и немного циничный. Как будто прошёл через слишком многое и теперь просто умеет смотреть на мир... иначе. И я почему-то знаю, что если мне когда-нибудь придётся искать выход, то он покажет направление.

Кто ты, Атрекс' Таэлд Энмар из Клана Арсанаар?

Глубоко выдыхаю и бросаю последний взгляд в звёздное месиво за стеклом. Из чего, кстати, сделаны эти прочные стены?

Пора возвращаться. Куда именно — хороший вопрос, потому что я не запоминала путь. Ни повороты, ни сектора, ни даже обозначения на стенах. Просто шла, а теперь я потерялась внутри космической машины, по масштабам ближе к летающему городу, чем к транспорту. Корабль явно построен для кого-то с врождённой навигацией, встроенной картой и, желательно, встроенным спокойствием. Всё то, что у меня отсутствует.

— Чёрт, — выдыхаю я. — Как теперь обратно?

Комичность ситуации побеждает панику, и я саркастично обращаюсь в воздух:

— Привет, Siri. Как мне, мать твою, вернуться назад?

— Привет, Лисса. Сопроводить тебя до комнаты Авроры или в любое другое помещение? — На удивление, голос не заставляет себя ждать. Мужской, спокойный, с лёгким механическим акцентом, но без неприятного синтеза.

Я моргаю. Ага. Вот так, да? Не впечатлена. У нас на Земле тоже, между прочем, есть искусственный интеллект. Но всё же — приятно удивлена. Потому что я не собираюсь блуждать в одиночку по бесконечным коридорам, как в симуляции «Космическая психиатрия» или квест какой-то.

— Как тебя зовут? У тебя есть имя? Или тут не принято давать названия разумному железу?

— Очень даже принято, — отвечает голос с лёгкой обидой, будто я только что назвала его кухонным тостером. — У нас считается проявлением неуважения оставить корабль без имени. По крайней мере, я бы точно обиделся.

Я моргаю. Так. Стоп. Обиделся бы? Реально?

Та-а-а-к. У нас тут, похоже, не просто навигационная система, а ИИ с чувством собственного достоинства и умением обижаться. Я в лёгком шоке. Интересно, а насколько он вообще развит? Это ещё эмоциональная симуляция или уже начало машинной экзистенциальной драмы?

— Меня зовут Таргент. Тактический корабль дальнего проникновения класса Тар-Сектор. Оснащён усиленной

маскировочной системой, четырьмя уровнями внешней оболочки из псевдо-поглощающего сплава, и...

— Остынь, Шерлок. Мне пока достаточно имени, — отрезаю, смеясь. — Скажи лучше, как попасть на вашу эту... палубу?

— Элементарно, Ватсон, — спокойно отвечает мне этот стэндап-бот. — Через навигацию сопровождения. Запустить?

Юмор? Ничего себе.

Я потираю руки, предвкушая. Если этот болтливый корабль умеет шутить, то и информацию он должен выдавать с огоньком.

— Валяй. Давай свою «навигацию».

С тихим «пик» пол под ногами вспыхивает тонкой, едва заметной полоской. Прямая, чёткая, ведущая вперёд. Всё, что от меня требуется — просто идти по ней. Добро пожаловать в уютный кошмар. Омега стайл. Комфортная тюрьма с персональным экскурсоводом.

Неторопливо иду обратно по схеме, которую нарисовал мне корабль, оглядываясь по сторонам. Всё интеллектуально и чужеродно.

— Таргент... — начинаю я.

— Хм? — отзывается он.

«Хм»? Он серьёзно? Этот летающий мегамозг только что фыркнул как человек?!

— Оцени, на сколько процентов ты адаптирован к моей...

скромной персоне?

— Я ни перед кем не обязан адаптироваться, — отвечает этот звездолёт с характером, — но ты мне нравишься. Адаптирован на девяносто процентов.

— Почему не на сто?! — возмущаюсь я. В голосе настоящая драма.

— Потому что я не запрограммирован на совместные истерики. Оставшиеся десять процентов твоего поведения имеют высокую вероятность принятия эмоционально неоптимизированных решений.

Я останавливаюсь. Вот сейчас серьёзно? Он только что назвал меня эмоционально неоптимизированной?

— Ты знаешь, кто ты, Таргент?

— Я твой друг, Лисса. Хочешь?

Вот теперь я не знаю, то ли смеяться, то ли плакать. Обидчивый корабль с развитым чувством юмором предлагает мне дружбу.

И я...

Киваю. Потому что, почему бы и нет?

— Хочу.

— Продано! — весело отвечает он.

И я начинаю хохотать. Искренне, громко и свободно. Ну хоть кто-то, пусть даже из титана и искусственного интеллекта, оказался на моей стороне. Кто-то, кто не требует от меня быть сильной, быстрой или безупречной. Кто-то, кто просто идёт рядом и не указывает, куда именно.

Пока Таргент вёл меня по коридорам к верхней палубе, он успел не только пошутить со мной раз сто, но и заодно вывалил на меня половину энциклопедии.

Я узнала о корабле больше, чем некоторые знают о собственном доме. Например, что его обшивка сделана из псевдо-поглощающего материала последнего поколения, который искажает сигналы. Любая попытка сканирования отражается обратно в виде хаоса, и получается эффект «вы ничего не видите, но очень сильно нервничаете».

Затем Таргент выдал краткий гид по планете. Высокая гравитационная плотность, увеличенный цикл суток, местная флора, которая может попытаться пообщаться с тобой мысленно, но это не галлюцинация, а биополевая активность.

Следом пошли досье на экипаж. Теперь я знаю, кто у нас на борту «нюхач», кто телепортирует сотни людей за раз, а кто может случайно поднять всю мебель в комнате силой мысли, если не выспался. Я до сих пор помню сцену, как Дарк восстанавливается от ран за секунды. Он «перезагружается», как багнутый файл.

И он рассказал о потоках.

Моём потоке.

О том, как он начал формироваться, как мои клетки адап-

тируются, и о саграме — том самом энергетическом знаке, который теперь я, *с гордостью*, должна носить. Несмываемое клеймо.

О щитах, которые можно выстроить силой воли: зеркальные, базовые, блокирующие и кучу всяких. Рассказал, что на меня сейчас не наложено никаких, и что, первое, чему стоит учиться — это построить наконец свои собственные, хотя бы базовые. Сделать щит своей новой невидимой конечностью, от которой не хочется избавляться и перестать фонить истерикой.

Импульсы, синхронизация, связь по нити — всё это больше не звучит как чужая магия. Это уже не «их», это понемногу «моё».

Иногда Таргент вбрасывал научные термины, настолько длинные, что казалось, будто он случайно съел глоссарий. Я пару раз попыталась перебить, но он игнорировал с изяществом галактического лектора. Ему нравилось быть услышанным. А я жадно впитывала терабайты чужой информации. Из общего потока сложных терминов я усваивала едва ли треть, но этого хватало, чтобы картина мира начала складываться.

Но главное, Таргент делал так, чтобы я больше не чувствовала себя бесполезным пассажиром. Я начала понимать, куда попала, кто я, и даже, кем могу стать. А я, по словам Таргента, Дейенерис — мать драконов.

И стану, не знаю пока кем я стану, но буду крутой.

— Знаешь, Шерлок, — говорю я, глядя на всплывающую передо мной голографическую карту палубы, — чем больше ты мне рассказываешь, тем больше я понимаю, что ничего не понимаю.

— Это закономерная реакция, — отвечает он с механической невозмутимостью, в которой уже чувствуется намёк на иронию. — Ты воспринимаешь концепцию потока и системного взаимодействия впервые. Твой мозг не полностью готов к некоторым видам данных. Пока. Зато ты хорошо обрабатываешь эмоциональную часть.

— Спасибо, — фыркаю я. — Очень утешительно. То есть я «эмоционально адаптированный пользователь», но технически пока остаюсь на уровне «домашний хомяк в ангаре».

— Весьма выразительное сравнение. Я добавлю его в каталог.

— Не смей, — смеюсь я.

Таргент, между прочим, без предупреждения погасил светящуюся дорожку на полу. Сухо, как бы между делом, заявил: *«При твоём уровне энергетического потенциала пора бы уже научиться взаимодействовать с архитектурой корабля самостоятельно».*

Похоже, у моего нового «друга» весьма специфические представления о мягкой адаптации. ИИ пассивно-агрессивно намекал, что пора перестать вести себя как потерявшийся во времени дикарь.

И теперь передо мной пульсировала трёхмерная гологра-

фическая карта палубы. Таргент удерживал её проекцию прямо перед моим лицом, словно мимоходом. На карте заметила, что конечная цель уже близко. И мне туда не хотелось.

Мне хотелось домой. Туда, где осталась люлька моей крошки в моём кабинете. Где пахнет кофе с ванилью, и где ворчит старая кофеварка.

Там осталась Клэр со своими мудрыми, всегда точными советами. И Лара — с её фирменной язвительностью, полным отказом от откровенностей и кучей секретов, которые она хранит. Хотя, чего уж там. Я тоже не делилась со своими.

После моего расставания с Каслом она стала приходить ко мне чаще. Не говорила этих дурацких слов утешения. Мне они были не нужны. Она помогала с Авророй. Гуляла с ней, держала на руках, укладывала спать и регулярно таскала меня в спа-салон. А ещё звонила почти каждое утро и напоминала про мою необходимость пойти на пробежку.

«Спорт — это здоровье. Здоровье — это счастье. А счастливая мама — это счастливый ребёнок», — цитировала она как мантру, пока я пыталась спрятаться под подушкой.

Она никогда не задавала ни одного вопроса. Потому что знала, что я знаю. А я знала, что она знает. У нас был идеальный циничный тандем без слов и обязательств.

Я думаю обо всём этом, и воспоминания накрывают меня снова. Ярko, свежо.

Иногда — обрывки. Иногда — целые забытые или вытесненные сцены. Те, о которых я давно решила не думать. Те, которые я похоронила под тоннами «потом», «неважно», «уже не так болит». А теперь они все возвращаются. В деталях. С запахами, интонациями, прикосновениями.

Интересно, это нормально? Всё помнить. Или побочный эффект?

Больше земного года назад

У меня было очередное плановое УЗИ, где я должна была узнать пол ребёнка. Клэр, конечно, рвалась поехать со мной в клинику с списком возможных имён уже в заметках. Но я мгновенно рубанула её инициативу на корню.

Не хотела, чтобы она была там. Не потому что я не любила её. А потому что в нормальной ситуации туда идут вдвоём. Как пара. А я и «нормальность» — это параллельные прямые. Они не пересекаются.

Я — одинокая мама и пора было перестать морщиться от этого слова и принять это. И я поехала одна.

Клиника была холодной и слишком тихой. Я лежала на кушетке, а доктор, вечно улыбающаяся, как будто ей платят за каждую гримасу, что-то говорила мне про развитие плода, про идеальную сердечную активность, про размеры... про «всё в норме».

А потом она ткнула пальцем в экран и с тем же дурацким энтузиазмом добавила:

— Посмотрите на вот эту точку. Это — девочка.

И я сломалась. Внутри всё треснуло.

Девочка... Маленькая девочка, у которой не будет папы.

Никто не будет дуть на её сбитые коленки.

Никто не расскажет ей сказки на ночь голосом, от которого становится тепло.

Никто не выйдет к двери с мрачным лицом, чтобы напугать будущего ухажёра.

Откуда-то изнутри поднимается глухая боль, словно эта точка на экране — не только моя девочка, но и всё то, чего у неё не будет.

Я молча встала, не дождавшись никаких бумаг, и вылетела из кабинета, как ошпаренная. Дрожащими пальцами достала телефон и нажала на вызов. И молилась — всем богам, всем силам, хоть кому-нибудь — чтобы на другом конце линии мне ответили.

Гудок. Ещё гудок. И... ответ.

— Это девочка... — выдыхаю я, и меня наконец прорывает. Горло перекрывает спазмом, и я просто задыхаюсь в трубку, не в силах вымолвить больше ни слова.

Прижимаю трубку к уху, и плачу. Слов больше нет. Только рыдания, захлёбывающиеся и горькие. Я держалась несколько месяцев, запрещая себе слабость ради ребёнка. Но в тот день я рухнула.

— Буду завтра, — прозвучало, наконец.

И «завтра» прилетела Лара. Очень злая и очень печальная.

Лара не задавала глупых вопросов, как Клэр, о том, как всё прошло. Она знала все ответы, ей незачем было задавать их. Мы спали в одной кровати, как делали всегда, когда подруга оставалась у меня. Она меня долго и крепко обнимала. Будто пыталась склеить по частям всё, что развалилось во мне за последние месяцы, напевая мне дурацкую колыбельную. Лара совершенно не умеет петь. У неё ни слуха, ни голоса, ни стыда и совести, но ей это не мешало скрипеть мне в ухо.

— Как мы назовём её? — спрашивает Лара тихо, не открывая глаз.

Я замираю. Как мне тебя назвать, кроха? Я перебираю в голове десятки вариантов, но все они звучат чуждо, вымученно. Ни одно не ложится на сердце.

— Аврора, — говорит Лара. — Ей подойдёт. С латыни — «утренняя заря». А коротко — Ара, как созвездие.

Я отрываю голову от её плеча и удивлённо смотрю ей в лицо. Откуда это вдруг латинские навыки? Это я по них спец.

— Это просто гугл, — отвечает она, даже не открывая глаз, но я чувствую её лёгкую ухмылку.

— Аврора ещё можно перевести как «богиня», — шепчу я, будто взвешивая это слово.

— Или как «сияние», — парирует она спокойно, — в зависимости от того, под каким углом смотреть.

Я пробую имя на языке, позволяю ему перекатиться внутри. И мне нравится. Оно звучит мягко. И сильно. Как ты,

малышка.

— Аврора, — говорю я.

— Да, Аврора, — повторяет Лара.

Мы обе молчим.

— Упаковывайте, — улыбаюсь я сквозь остатки слёз. —
Беру.

Так мы и выбрали имя нашей девочке. Я с Ларой. А должна была — я и Касл, но ведь не всегда «в раю без изменения». На родах рядом со мной была Клэр. А должен был быть он. Первое купание — я с обеими, а должна была быть я с ним.

И сейчас, скорее всего, мои девочки с Земли сходят с ума от тревоги. Даже боюсь представить, что успела устроить Клэр, сколько людей она подняла по тревоге, сколько отделений полиции теперь ищут «молодую мать и ребёнка, исчезнувших при загадочных обстоятельствах».

С настроением, мягко говоря, не фонтан, я вынырываю из моих воспоминаний и наконец дохожу до цели — той самой комнаты, где я уже дважды успела потерять сознание.

Скрестим пальцы, чтобы в третий раз обошлось. Конечно, понимаю, что Бог любит троицу, но всему есть предел. Особенно моей драме.

Захожу, и вижу знакомую компанию. Почти в том же составе, что и раньше, только теперь к ним присоединился ещё

и мой профессор по археологии. О, прекрасно. Картинка становится всё интереснее.

Кстати, об этом...

— Ребята, — начинаю я с будничным тоном, — а вы, что потеряли в Сибири?

Серьёзно. Этот супер-молодец Кайрон, такой весь таинственный и важный, вдруг сам лично повёл нас, группу студентов, на археологическую практику, в закрытую зону Сибири. На охраняемую территорию. Где даже ведущие учёные мира пройти не могли без допуска трёх уровней и шепота президента. А мы — скромные археологи третьего курса — там, значит, такие уверенные, скребём себе, чаю попиваем у костра. Ладно, костра там не было.

Прак-ти-ка. Угу.

Они отвечают синхронно, словно репетировали:

— Чистили следы.

— Чьи? — спрашиваю я, прищурившись.

Говорит Кайрон, как всегда с каменным лицом:

— Другой расы.

Вообще блестяще. Кладёшь информации. Всё в стиле омеговцев: выдать тебе три слова, из которых ты сама должна раскопать всю Вселенную. Обожаю их. Сволочи.

И вот в этот момент Атрекс встаёт из-за стола и с невозмутимым видом протягивает мне чашку.

— Кофе? — предлагает он.

У меня на секунду в голове всё зависает.

Кофе?

— Здесь есть кофе?! — не выдерживаю я вслух, глядя на чашку с выражением восторга.

— У нас есть всё, принцесса. Или почти всё.

Принимаю чашку с благоговением, будто это Святой Грааль. Делаю глоток и зажмуриваюсь. Ну вот и всё. Я прощаю им все грехи только за то, что здесь есть кофе.

Атрекс сдержанно и едва заметно улыбается в ответ. Без лишних слов.

— С чего начнём? С кофе... — шепчу я себе под нос, вспомнив старую земную рекламу.

И, честно говоря, сейчас это звучит как вполне здравый план.

Аврора уютно устроилась у Скотта на руках и строит ей смешные рожицы. Малышка, похоже довольна, щебечет что-то в ответ, весело хлопает ручками по его плечу, и в её глазах отражается весь космос счастья, который я ей только и желала.

Идиллия. Хоть сейчас снимай для глянца «Космическое родительство». Всё так мило, что начинает подташнивать.

А вот *мой суженый* — в противоположной части зала, и атмосфера у него совсем другая. Он стоит у странной консоли, которая на первый взгляд напоминает что-то между голографической кухней и анатомическим столом. И даже не повернулся, когда я вошла. Всё то время продолжает стоять ко мне спиной, полностью поглощённый панелью, что висит

в воздухе перед ним.

Вокруг него медленно, как спутники, вращаются голограммы. Чужой язык, оси координат, топографические проекции планет и графики, подозрительно похожие на тактическую раскладку боевого флота.

Я всё это наблюдаю и снова ощущаю себя обезьянкой, которая случайно попала на заседание научного совета по мультигалактической астрофизике. Всё выглядит красиво, непонятно и слегка унижительно. Он сосредоточенный, уверенный, встроенный в этот интерфейс как часть системы. А я? Я стараюсь не сказать «вау» вслух, чтобы не выдать, насколько я за ним отстала.

Я подхожу ближе и обхожу его по дуге, заставляя себя двигаться медленно, словно этим действием заставляю и его обратить на меня внимание. Останавливаюсь прямо перед ним.

Касл размыкает веки.

Постой. Он всё это время управлял этим роем формул вслепую?

Касл смотрит на меня сверху вниз. Медленно, молча. Поднимает бровь, словно, ну давай, говори. Или начни скандал. Тоже вариант.

— Ты подготовил то, что я тебя просила? — спрашиваю я, подчёркнуто спокойно.

— То, что ты приказала, а не просила, — уточняет он сухо. — Твой новый друг уже всё подготавливает.

Так-так-так.

Мой стэнд-апщик всё слил.

— Шерлок, это что сейчас было? — поворачиваю голову вверх, будто оттуда должен появиться силуэт предателя в шлеме.

— У меня нет от Касла секретов, Лисса, — заявляет корабль, как ни в чём не бывало. — Он — это я. Я — это он. У нас абсолютная синхронизация.

Предатель. Очередной. Фак.

— Ты сноваходишь в тот самый десятипроцентный диапазон эмоциональности, о котором я тебя предупреждал, Лисса, — добавляет корабль. Родитель-кибернетик недоделанный.

— Она всегда там, Тар, привыкай, — спокойно отвечает Касл. Он снова прикрыл глаза, возвращаясь в транс, и вокруг него тут же закрутились векторные поля и тонкие линии информации, словно ожившие глифы.

Тар.

У него даже сокращённое имя есть.

Я не успеваю додумать эту мысль — Касл шагает вперёд, прямо из своего транса. Так резко, что я едва не отступаю. Прежде чем я успеваю сообразить, его ладони оказываются на моей талии. Одним движением он сдвигает меня в сторону — не грубо, но безапелляционно.

Он наклоняется — слишком близко. Проходит дыханием вдоль моей шеи, а я чувствую, как мурашки пробегают по позвоночнику, вопреки моей воле. *«Не вздыхай. Не дёргайся.*

Не покажи, что на тебя это подействовало».

А он просто тянется за планшетом, лежавшим на панели за моей спиной. Перехватив корпус, Касл вытягивает из воздуха массив данных — голограмма послушно сворачивается в плотное облако и с сухим тихим щелчком перелетает в устройства.

Ну же, Лисса, *только на этот раз не делай это лицо. Не округляй глаза, не открывай рот, а сделай вид, что видела это миллион раз и сохрани лицо.*

— Здесь всё, что тебе понадобится, — говорит он, всё ещё держа планшет, и взгляд его ненадолго задерживается на моём узоре на шее. Его метка.

Касл протягивает мне устройство и продолжает:

— Он похож на ваш земной аналог. Я установил английский и подогнал конфигурацию под твою систему. Разберёшься. Если нет, Тар объяснит.

Я беру планшет, но он продолжает держать его, наши пальцы застывают рядом. Его голос понижается, становится почти лениво-хищным:

— Изучи свои права как следует, Лисса Грин Кайлар из Клана Ориген. Лично буду спрашивать.

Он медленно усмехается и снова закрывает глаза. Элементы вокруг него в тот же миг приходят в движение, и Касл опять становится частью этой матрицы, словно включился обратно в собственную вселенную.

Я немного теряюсь.

Ну вот что мне сейчас делать? Подойти к Скотту и сказать: «*Давай, отдай мою дочь*», — когда они там весело щебечут друг другу? Аврора смеётся, он делает ей рожицы, как циркач на гастролях. Пытается её кормить — и при этом, блин, развлекает. Атрекс наблюдает за этой идиллией и улыбается. Все тут такие гармоничные. Полный «*галактический уют*».

В другом углу, развалившись в каком-то странном кресле, сидит Кайрон. Он внимательно разглядывает меня. В том стиле «съесть её сейчас или поджарить чуть позже».

Я скрещиваю руки на груди и с вызовом возвращаю ему тот же взгляд. Он подмигивает.

Ты серьёзно?

Затем он поворачивает голову в сторону Алека и делает кивок в мою сторону. Алек, оказывается, тоже туда смотрел, то есть на меня.

— Давай ты, — говорит Алек.

Что давай он?

— Будет разумно, если ты сделаешь это первым, — отвечает ему Кайрон.

Так. Что. Тут. Происходит.

Мальчики, берегите мои нервы. Перед вами стоит нестабильный, недоделанный мутант с потенциалом выброса. Сейчас будет бабах, и дядям будет больно.

— Мы можем сделать это одновременно, — отвечает ему Алек.

— Можем даже втроём, — весело вкидывает Дарк.

Смон.

Слово «втроём» триггерит моё воображение, и оно, как назло, работает чётко. В голове всплывает серия кадров не для общего пользования. Так, скорее всего из рода 18+.

— Давайте тогда сразу и четвёртого подключим, — говорю я невозмутимо, приподнимая бровь.

— Так и сделаем, — соглашается Дарк.

— Нужно составить график, — вносит конструктив Скотт в наш приватный междусобойчик.

— Я первый, — настаивает Дарк.

Я начинаю дышать как маленький паровозик. Через нос. С паром. Осталось только просвистеть в голос.

— Они о тренировках, Лисса, — спокойно сообщает мне Шерлок.

— Я догадалась, — отвечаю с той самой мёртвой интонацией, которую обычно используют уставшие матери и саркастичные ведьмы.

— Мы так и поняли, — с иронией добавляет Кайрон, и я чувствую, как вся эта мужская четвёрка наслаждается моментом.

— Тебе предстоит многому научиться, — комментирует Таргент тем самым тоном, каким на Земле обычно объявляют об отмене рейса. — И у меня для тебя две новости. С какой начнём: с хорошей или с плохой?

— С хорошей давай, — отвечаю я.

— У тебя зафиксирован рост внутреннего энергонасыще-

ния. Поток усиливается — пока что умеренно, но темп выше нормы. На текущий момент — около 30% от базового омеговского предела.

— Это и есть хорошая? — уточняю я, моргая. — Ну а плохая?

— Поток нестабилен, а его траектория непредсказуема. У омеговских детей на интеграцию силы с ядром уходят годы. Твой процесс запущен искусственно, и реакция на стресс или гипервозбуждение может быть... взрывной. Всё развивается слишком быстро, Лисса, — заканчивает он.

Звучит как бонус в космическом наборе для саморазрушения. Сюрприз. Вы не только получите энергию, но и потенциальный мини-ад внутри себя.

— Не парься, Шерлок, — говорю я с показной уверенностью, хотя внутри всё рвётся, — Я справлюсь с этим вашим потоком.

— Твоё нейрополе перегружено, — продолжает он, игнорируя мой настрой. — Даже во время сна мозг выдаёт боевые паттерны, а энергетическая подпись растёт без всяких внешних стимулов.

Вот так. Даже когда я сплю — я опасна. Ещё чуть-чуть, и меня посадят в изоляционную капсулу, обернут пледом, вручат кружку какао и попросят больше не дышать.

— Я буду рядом, Тар, — спокойно отвечает Касл с другого конца комнаты.

Он закончил свою работу и теперь стоит у кухонной пане-

ли, возится с чем-то там, бросая реплики через плечо.

— Продолжай наблюдение и докладывай мне о её состоянии, как только показатели выйдут за пределы нормы.

— Ей нельзя блокировать поток на этом этапе, Касл. Ты знаешь. Это нарушит её ядро и приведёт к нестабильности.

В смысле — блокировать поток? О чём он?

— Я не буду ничего блокировать, Тар, — отрезает он, не повышая голоса.

Корабль замолкает и в зале наступает тяжёлая тишина. Даже ребята прекращают свои разговоры и возню. Все будто затаили дыхание.

— Это будет... — начинает всё же Таргент, словно не может сдержаться.

— Это не обсуждается, — отрезает он и в его голосе ощущается чёткий приказ, бетонная стена, за которую лучше не заходить.

Он невыносим. Даже кораблю умудряется затыкать рот.

Касл подходит ко мне и без лишних слов протягивает тарелку с нормальной, земной едой. Слава богу, не жижа в тюбиках.

— Ешь, — коротко бросает он. — Тебе нужно восстанавливать силы. Особенно сейчас. И это не только ради Авроры.

Он вкладывает мне тарелку в руки, а потом спокойно идёт к Скотту, берёт Аврору из его рук и добавляет:

— Мы на мостик.

Ещё пару секунд смотрю им вслед и удивляюсь — Аврора

будто родилась на этом корабле. За какие-то пару дней впитала всю эту космическую реальность как должное. Ни испуга, ни капризов, ни растерянности. Для неё всё естественно.

Глава 3. Шестьдесят одна...

*«Зачастую говорят, что
мотивации хватает ненадолго. Но то
же самое происходит и с освежающим
душем, поэтому и рекомендуют его
принимать ежедневно»*

Зиг Зиглар

ЛИССА

— Я передумал, ребята. Первым буду я, — произносит Скотт, голос его звучит с какой-то колдовской, почти озорной интонацией.

Он двигается молниеносно. Прежде чем я успеваю отреагировать, Скотт подхватывает меня, и в следующую долю секунды пространство вокруг сжимается.

Только не это.

Но в этот раз обошлось без тошноты и давления в висках. Пространство отозвалось глубокой вибрацией, а не глухим ударом. То ли моё тело начинает привыкать, то ли Скотт намеренно поберёт «не закалённого воина».

Мы «приземляемся» в огромном зале. Воздух здесь плотный, наэлектризованный, от него мгновенно по коже про-

бегают мурашки. Под потолком вращаются светящиеся элементы — сплав технологий и чистой архитектуры. Их холодные блики медленно ползут по стенам.

Через мгновение из искажённого воздуха один за другим шагают Кайрон, Алек и Дарк. Ткань реальности просто расходится, пропуская их, и тут же смыкается обратно. Завораживающая, пугающая естественность. Мне безумно нравится.

Кайрон, всё тем же своим голосом, в котором слышится профессорская нотка археологии, говорит:

— С этого дня, принцесса, у тебя начнётся весёлая жизнь...

— Она давно началась, профессор. У тебя устаревшие данные, — перебиваю я его, не скрывая усмешки.

— Отлично, — не сбивается он. — Тогда слушай дальше. Я отвечаю за твою энергетическую часть и суть. Мы начнём с основ: управление потоком, усиление и распределение энергии, создание защитных структур, их ещё называют «щитами». И если повезёт, вскоре научишься их применять.

Он продолжает свою лекцию ещё минуты две, с полной уверенностью, что я сижу в первом ряду с блокнотом и записываю каждое слово. Я не перебиваю. Даже не напоминаю ему, что про щиты мне уже лекции читает местный космо-шерлок. Пусть живёт в неведении. Мальчикам тоже нужно чувствовать себя нужными.

А тем временем Кайрон разворачивает следующую часть

торжественного спича:

— У тебя будет четыре учителя. Я, Дарк, Скотт и Алек. Но, — он делает эффектную паузу, — только один ментор. С ним полное доверие и никаких тайн. Он будет твоей точкой стабилизации. Ты сможешь обсудить с ним всё, а также будешь делать всё, что он скажет, на протяжении всего учебного процесса.

Но вот почему моя фантазия такая испорченная и опять мне подкидывает неприличные картинки?

Кайрон явно замечает выражение моего лица, то ли мои мысли всё-таки можно читать по глазам, то ли я слишком откровенно подняла бровь, и его губы растягиваются в широкой, самодовольной улыбке.

— Мне нравится твой настрой, Лисса. Сработаемся, — смеётся он.

— Так вот, — продолжает, снова входя в свою преподавательскую роль, — с Скоттом ты научишься прыжкам, другими словами — пространственные перемещения. Это энергозатратная техника, мы её не используем без необходимости. За исключением самого Скотта, конечно. Он игнорирует это правило с той грацией, с какой игнорирует большинство инструкций.

Скотт в этот момент довольно хмыкает и двумя пальцами показывает на свою грудь, делая вид, что ослеплён собственным сиянием.

Кайрон неумолим в своём лекторском порыве:

— Обучение этим навыкам займёт время. В норме — годы. Но, — он делает театральную паузу, — возможно, у земных девочек в рукаве припасены свои собственные козыри и они выучат быстрее.

Он подмигивает мне с такой уверенностью, словно я должна тут же материализовать из воздуха суперсилу и прилюдно ей блеснуть.

— С Дарком... — продолжает Кайрон, указывая головой в его сторону.

Тот, как по команде, шагает вперёд, с нарочито грациозной пластикой раскрывает ладони, пошевелив пальцами, будто приглашая публику аплодировать, и крутится вокруг своей оси, словно вышел на подиум в Париже. Недостаёт только конфетти и фанфар.

— Тебе предстоит выучить наш язык, — говорит Кайрон. — Английский нам привычен — годы, проведённые на вашей планете, сделали своё дело, но на Омеге мы принципиально не используем языки, которые нам не принадлежат. В этом плане мы консервативны.

— А нельзя как-то чип в мозг, и всё такое? Встроенная нейросеть, и вуаля, свободно читаю классику на оригинале?

— Начиталась фэнтези, малышка, — подаёт голос Алек, до этого молчавший.

— Мы не вмешиваемся в естественные процессы нейропластичности, — уже Дарк, по-преподавательски бодро.

— Потому что консервативные? — спрашиваю я.

— Психологически стабильные, — отвечает он.

Кто бы поспорил?

Дарк продолжает:

— Установка искусственного языкового протокола может нарушить баланс когнитивной архитектуры. Последствия непредсказуемы. К тому же, — он смотрит на меня со странным азартом, — с твоим апгрейдом, адаптация знаний происходит с ускоренным синтезом. Тебе понадобится около трёх недель, может шесть, и ты освоишь наш язык без насилия над мозгом.

— Чудесно, — говорю я сухо. — Язык, прыжки, потоки. Ещё остались сюрпризы?

— Да, — с абсолютно серьёзным лицом говорит Дарк. — Этикет.

Я ослышалась?

— Какой ещё этикет? Вы же, вроде как, ультраразвитая раса, не средневековое королевство. Я думала, вы там телепортируетесь и мыслями обмениваетесь, а не накрываете на ужин с серебряными ложечками, кланяясь по очереди.

— И вот тут ты ошибаешься, Лисса, — невозможно отвечает он. — Чем выше уровень цивилизации, тем больше осознаётся важность правил. А значит и границы. Этикет на Омеге — это не про салфетки. Это про иерархии, сигналы и смыслы, которые нельзя выразить словами. Это как дипломатия.

— А я думала, что самое сложное — это пространствен-

ные прыжки, — бурчу я себе под нос.

— У Кайрона всегда была склонность к драматизации, — флегматично вставляет Алек, даже не оборачиваясь. — Со мной ты будешь потеть. То есть я отвечаю за твоё физическое развитие.

Мне кажется, что Алек самый серьёзный из них. Даже сейчас стоит в углу, скрестив руки на груди, и сверлит меня взглядом так, будто уже разложил по полочкам все мои слабые стороны.

Иногда ещё делает шаг вбок и смотрит под другим углом, как художник на скетч, только вместо холста я. Вид у него при этом такой, что прямо читается: *«И чего с этой мухой можно сделать?»*. А я ведь считаю себя вполне спортивным человеком. Бегаю почти каждое утро. В спортзал хожу. Ходила. В той жизни, где было всё сравнительно стабильно.

И вот стою я, как есть, перед всей этой славной компанией, всё ещё в той же одежде, что была на мне вчера. Немного потрёпанная и ужасно уставшая. А они все свеженькие, словно со съёмок земной рекламы. Одеты по-нашему, смотрят на меня и прикидывают из чего вообще можно лепить что-то приличное.

— Кстати, почему вы не носите форму как в «Стар Треке»? — начинаю я, театрально возмущаясь. — Вы ломаете все стереотипы о пришельцах. Ведь на вас должны быть облегающие комбинезоны, подчёркивающие ваших задниц. А вы носите наши батники и футболки с принтом «NASA».

Изящный способ издеваться, кстати. Где ваша форма, в конце концов? У вас что, её нет?! Беспредел.

Они переглядываются, словно выбирая, кто перед публикой выступит, и отвечает Скотт:

— Есть, принцесса. У нас и форма есть, и дресс-код есть, и даже церемониальные костюмы с золотыми вставками, если тебе захочется почувствовать себя в межгалактическом оперном театре. Но нам ближе ваша одежда. Удобная и без кучи условностей.

Усмехается и добавляет чуть тише:

— Вы вообще неплохая раса. Развиваетесь в правильном направлении, если не считать тот факт, что вы сильно загрязняете свою планету пластиком и прочее, хотя сами же изобрели биополимер. Но внедрять эти технологии, означало бы потерю миллиардов. А терять деньги у вас боятся больше, чем терять планету.

Он пожимает плечами и продолжает свой спич:

— И всё же, в целом вы на верном пути. Немного эгоизма, немного неблагодарности, привычные религиозные конфликты — типичный переходный период для разумной расы.

— Всё в пределах допустимой погрешности? — иронично спрашиваю.

Скотт кивает, и более твёрдым голосом говорит:

— Наши расы очень древние, Лисса. Мы тоже прошли через периоды разрушения. Технологический взлёт, эгоцен-

тричные решения, и бесконтрольная жажда прогресса — всё это у нас было. Но нам повезло меньше, чем вам. Потому что Омега — энергоактивная планета. И когда мы зашли слишком далеко, она ответила.

Он немного смотрит мне в глаза.

— А теперь, возвращаясь к твоему вопросу про Сибирь, — продолжает он, и в голосе появляется лёгкая энергия, — мы подчистили следы одного старого крушения литувбского корабля.

Он бросает взгляд в сторону ребят, а потом вновь смотрит на меня:

— Твою планету всегда посещали. Ещё задолго до того, как вы начали записывать свои первые «летописи». Наблюдали. Анализировали. Где вы. Кто вы. На каком этапе развития. Вас даже рассматривали как возможный новый дом. Но мы, такие молодцы, что никому не давали в обиду, — он смеётся и продолжает. — Земля официально не входит в юрисдикцию Омеги. Но неофициально — вы наши протеже.

Тут я закатываю глаза от услышанного пафоса и встречаю в его доклад:

— Потому что у нас редкие цвета глаз?

— Потому что вы быстро развивающаяся раса с необычным потенциалом. А у нас есть закон. Мы не вмешиваемся в развитие цивилизаций, которые способны эволюционировать самостоятельно, но вмешиваемся, если кто-то другой решит за них. И Лисса, ты даже не представляешь, насколько

ко агрессивным может быть вмешательство. Ты ведь не думаешь, что вы — одни?

— Мне кажется ответ очевиден, братец, — язвлю в ответ.

Скотт приближается ко мне, на полшага ближе, как будто хочет, чтобы следующие слова легли особенно точно:

— Мы стояли на вашей защите, принцесса, очень долго, давая вам шанс развиваться без вмешательства и давления. Были рядом, в глубоком космосе, задолго до того, как начались наши проблемы с рождением.

Он смотрит на меня пристально, и в голосе появляется строгая нота:

— И в качестве представительницы вашей расы, твой переезд на другую планету — это самое меньшее, что ты можешь сделать, в знак благодарности за нашу заботу. Мы уж точно заслужили больше, не так ли?

Короткая пауза и добавляет тише, но весомее:

— А теперь мы стоим за вас ещё больше. Потому что там, на Земле, родилась Аврора. А мой брат, как выяснилось, страшно сентиментален. Он отправил четверть своего личного флота в ваш сектор. Четверть, Лисса. Это неприлично много. Особенно для планеты, которой, официально, *ничего не угрожает*. Почему? Не знаю. Но если он что-то решил, значит, на это есть веская причина.

И тут Скотт резко наклоняет голову, чтобы глаза оказались на одном уровне с моими.

— Кстати, ты не знаешь почему? — спрашивает он с но-

той подозрительностью.

Как при допросе, ей-богу.

В тот момент мне хотелось выложить ему всё, и признать-ся во всех грехах, даже в тех, которых я ещё не успела совершить. Но Скотт поднимает голову обратно и продолжает:

— Мы связаны теперь, принцесса. И я всегда чувствую твою ненависть, скачки настроения и желание нас всех убить. Для Касла ты вообще книга без обложки, где каждая эмоция на поверхности. Так что, ради всех святых, срочно учись ставить чёртовые щиты и избавь меня один раз от твоей избыточной плаксивости.

У меня моментально вскипает внутренний демон:

«Одному брату врезала. Врежь второму давай!»

А здравый смысл, слегка хрипя, шепчет в ответ:

«Ты что несёшь?! Он нам врежет обратно!»

Подхожу к нему вплотную, беру пальцами за шнурки его батника и тяну на себя, приближая его лицо к своему. Он сознательно подаётся, а я шиплю сквозь зубы:

— С этого дня я буду рыдать по два часа, трижды в сутки. В полной, безудержной истерике. И сделаю всё, чтобы твой психологический комфорт достиг максимального уровня разрушения.

Скотт поднимает голову наверх, освобождая себя из захвата, взрывается хохотом — громким, с открытым ртом. И меня это так сильно раздражает, что, не сдержавшись, всовываю палец ему в рот, затыкая его, а потом быстро вытас-

киваю обратно.

Что я только что сделала?

Теперь смеются уже все. Кто-то хлопает себя по коленке, кто-то чуть не падает со смеха, а Скотт смотрит на меня с выражением: *«Ты серьёзно? Я сейчас тебя прикончу»*.

Ситуацию спасает Кайрон.

— Остыньте, родственнички, — бормочет он, вытирая слёзы с глаз. — Давайте вернёмся к теме. Лисса, теперь твой ход. Выбирай одного из нас.

Я моргаю, теряясь на секунду. Кажется, я где-то упустила нить разговора. Поднимаю бровь, глядя на него: *«Выбирать кого и зачем?»*

— Наставника. Ментора. Учителя. Сенсея. — уточняет Кайрон с каменным лицом.

Я тут же бросаю взгляд на Скотта. Так и чешется душа отомстить. Он, не моргнув:

— Даже не думай, — предупреждает он с тем самым тоном, который автоматически вызывает желание сделать именно то, что запрещено.

— Тебе самому нужен наставник, *братишка*, — парирую я без малейшей паузы.

Ребята опять взрываются в смехе. Скотт фыркает, а я наслаждаюсь моментом. Но стоило волне веселья схлынуть, как все уставились на меня. Четыре красавца. Сидят как на кастинге шоу «Холостяк», женская версия. Я встаю пафосно, выпрямляю спину и произношу:

— *Профессор*, ты примешь мою розу?

Они смотрят на меня в полном недоумении и ни малейшей реакции. Я смеюсь с наслаждением. Вот она — разница культур. Никто из них не смотрел «Холостяк».

Тут включается Таргент, голосом всезнающего библиотекаря, слегка уставшим от нас всех:

— Это земное шоу «The Bachelorette». В вашем случае, Лисса, — Холостячка. Смысл в том, что одна девушка отбирает одного мужчину среди многих, серия за серией, и вручает ему розу как знак выбора, со словами «ты примешь мою розу?» Вот сейчас она сделала это с тобой, Кайрон.

Я ловлю волну и продолжаю вместо него, глядя в глаза Кайрону:

— Да, Кайрон. Будешь ли ты моим наставником? В горе и в радости, в богатстве и бедности, в хаосе и энергетических взрывах, пока смерть или пространственно-временной сдвиг не разлучит нас. Хочешь?

— Хочешь, хочешь, — отвечает он, усмехнувшись. — И вот тебе первое задание, *невесточка*. Попроси Тара показать маршрут в медитационную. Я присоединюсь к тебе через пару минут.

Все ребята уходят, а я почти бросаю им в спину: «А как же мой плотный календарь? Надо ведь найти для всех удобные окошки!», но удерживаюсь.

Удивлю их.

Комната пустеет, и я остаюсь одна. Ну, как одна — с Таргентом. Делаю вдох, складываю руки за спиной и говорю в пространство:

— Давай, Таргент, тактический корабль дальнего проникновения класса Тар-Сектор, проводи меня в колыбель медитации.

— Ты уже была там, Лисса Грин Кайлар из Клана Ориген, — отвечает он с лёгким юмором.

Я моргаю. И вдруг понимаю:

— Подожди. Ты имеешь в виду ту комнату в космосе? Панорамную? Где стены исчезают и, кажется, что ты паришь среди звёзд?

— Именно её. Мы называем это модулем стабилизации и таких модулей много.

Мысленно я возвращаюсь туда. Ощущение пустоты, в которую, в хорошем смысле, буквально проваливаешься, как будто мозг чистят от лишнего мусора, делая это очень мягко и ласково.

— Значит, это не комнаты, а модули.

— Всё верно. У нас есть несколько типов. Модуль отдыха, или рекурсивная зона — это то место, где вы обычно собираетесь. Оно совмещает в себе зону питания, общения и ментальной разгрузки. Модуль стабилизации — используется для выравнивания потоков, настройки энергетических

структур и синхронизации разума с телом, мы были там, и нам туда. Медицинский модуль, он же лаборатория, ты была там, и в следующий раз, надеюсь, попадёшь туда на своих двоих, а не на чьих-то руках.

— Разве ты не знал, что женщины любят, когда их на руках носят? — саркастически спрашиваю я, но корабль оставляет мой вопрос незамеченным.

— Коммуникационный модуль, или как вы называете его — мостик. Там управление кораблём и тактический центр навигации. Тренировочный модуль — для физических и боевых практик, мы в нём.

И я осматриваюсь в этом так называемом тренировочном модуле, но кроме гладких стен, матового пола и странных панелей в потолке здесь ничего нет. Ни гантелей, ни турников, даже беговой дорожки не завалилось. Идеально чистое, почти пустое пространство. Они, что, тут занимаются пилатесом?

— Эй, Шерлок, — говорю я с подозрением, — ты уверен, что это тренировочный модуль? Где все ваши ультратехнологичные тренажёры? Или хотя бы скакалка?

— Ты, кажется, перепутала нас с земным фитнес-центром, — отвечает Тар. — Наш тренировочный модуль — это динамически адаптивное пространство. Он считывает параметры участника и создает симуляции под его физическую, энергетическую и ментальную конфигурацию. Инвентарь здесь не нужен. Всё вызывается и материализуется по

запросу. Или автоматически, если ты не потрудишься сформулировать цель.

— То есть, всё это пространство — как 3D-принтер с искусственным интеллектом?

— Не совсем. Скорее как квантово-адаптивная арена. Представь, что ты внутри живой программы, которая может за доли секунды подстраиваться под твой уровень и задачи. Нужно отработать удары — появится партнёр. Тренировка потокового щита — получишь агрессивную среду. Бег? Получишь пересечённую местность под гравитацией, которую сама выберешь.

— А если я просто захочу растяжку? Или йогу?

— Модуль предложит оптимальные условия и поддержит температурный режим, фоновые аудиосигналы, даже степень сопротивления воздуха, если потребуется.

Он делает паузу. Я чувствую, что что-то ещё есть.

— И? — тяну я.

— И Тактический модуль. Это отдельная и самая важная зона. Там работает Касл, и там обрабатываются все визуальные и проекционные данные. А ещё там расположено моё ядро — точка фокусировки всей вычислительной и энергетической системы корабля. И доступ туда — только у него.

— Расскажешь мне подробности? — спрашиваю я.

— Не могу. В этом плане я открыт только для Касла.

— Ладно. Постой-ка. Модуль медитации, это же модуль стабилизации? Там, где был Атрекс? Он медитировал? —

уточняю я.

— Да. И ты нарушила его приватное пространство.

— Мне не стыдно, если ты об этом.

— Я так и понял, Лисса. Ты бесстыдная.

Я привычно ориентируюсь по голографической карте и поворачиваю в сторону знакомой уже двери, направляясь в модуль стабилизации. Местечко, где можно залипнуть на звёзды и сделать вид, что ты постигаешь тайны вселенной, а не просто сбегаешь от разговоров.

— Ты мне нравишься такой, Лисса, — говорит Таргент.

Я поднимаю бровь. Ого. Это был комплимент?

— Какой такой?

— Весёлой. Живой. Смеющейся. У тебя очень заразительный смех. Ты храбрая, и мне искренне жаль, что ты так часто грустишь. Правда.

Я на секунду теряюсь. Проклятый искусственный интеллект и его своевременные, блин, комменты.

— Ты чего, вдруг такой сентиментален, Шерлок?

— Касл...

— Стоп! — резко обрываю я его. Только пиара мне сейчас не хватало. — Просто остановись, ладно? Мне не нужны ни твои комментарии, ни твои программы, ни твоё мнение. *Ничего*, что касается его. Мне от него ничего не надо. И от тебя тоже ничего не надо. Ты меня понял?

Тар замолкает. И через секунду, уже тише:

— Понял я, понял. Я всего лишь хотел сказать, что Касл

не всегда в курсе всех моих процессов и действий. И если бы ты захотела, я мог бы организовать тебе «звонок» на Землю. Но если не надо, значит, не надо, — и он отключается.

Ааа! Отключается.

Вокруг меня оглушительная тишина. Я замираю, как вкопанная. Язык мой — враг мой.

Почему ты, Лисса, вечно не дослушиваешь?!

— Тар? Кораблик, отзовись. Пожалуйста, солнышко, ответь мне, ну пожааалуйста... — начинаю лепетать я, уже жалея каждую свою резкость. — Тааааар, ты же знаешь, что мне важно. Слышишь меня?

Молчание. Настоящее и демонстративное, с обидой на всех частотах.

— Тааар? Умничка моя? Отзовись, пожалуйста, — умоляю я его, но это металлическая задница по-прежнему мне не отвечает.

Показушник.

Хорошо. Будем играть по-взрослому.

— Меня зовут Лисса Грин Кайлар из Клана Ориген, — выпрямляюсь и придаю голосу вес и строгость, — И приказываю тебе немедленно ответить.

— Как пафосно, — сухо откликается он, наконец.

Ага, значит, по-хорошему нельзя было, да?

— Подожди. Получается, ты обязан подчиняться моим командам?

— Нет, — отвечает лениво. — Только Каслу. Тебе я про-

сто решил подыграть.

— Ах ты... ты знаешь кто? Ты задница, а не интеллект,
— фыркаю я, закатывая глаза.

— Я твой друг, Лисса. Потому что ты его женщина. А я очень дорожу безопасностью моего партнёра, в том числе и эмоциональной. От этого напрямую зависит, насколько мы
— *эффективная команда*.

— Ты смотрел *Oblivion*, Тар?

— Я смотрел все земные фильмы, Лисса. Некоторые даже дважды. Особенно с Томом Крузом. Он такой напряжённый, будто ему срочно нужен кофе, отпуск и терапевт. Прямо как Касл после твоего эмоционального выброса.

Я хохочу вслух. Блииин, не могу уже. Говорю же стэндапщик.

— Расскажи мне больше о вашей связи.

— Как-нибудь потом. Давай лучше обсудим звонок. Пока Касл отключился.

— В смысле отключился?! — резко подаюсь вперёд. — С ним всё в порядке?

— Абсолютно. Ты же не думаешь, что он сидит у меня в ядре круглосуточно? У нас, как и в любых нормальных отношениях, должно быть личное пространство. Но, учитывая его патологическую страсть к контролю — особенно сейчас, когда у него появились вы — он почти не выходит из моей системы.

— Он тебя контролирует? Как вообще происходит этот

процесс? Как работает ваша связь?

— Настырная какая. Говорил же, объясню позже, но ведь не отстанешь. Представь симбиоз. Касл вложил часть своего потока в моё ядро при синхронизации. Не код, не программу, а живую энергию. Поэтому я не просто выполняю команды. Я чувствую его состояние. Его усталость, напряжение, иногда решения до того, как он их озвучивает. Мы не делимы. И хватит задавать вопросы. Я всё-таки не часть его мозга, и не знаю, когда он зайдёт в ядро снова. У нас мало времени.

— Сколько?

— Ровно столько, сколько хватит на один разговор. Но быстро. И продуктивно.

— Что мне делать?

— Во-первых, придумать легенду. Касл об этом не позаботился. Ты исчезла для всех, и на Земле сейчас, вероятно, хаос.

— Ты же можешь узнать, что там? — морщусь я. — Ну ты же гуру всего. Пройтись по каналам, хакнуть пару спутников, разве нет?

— Могу. Но не без его разрешения. А он меня за доли секунды спалит.

— И тогда?

— Тогда он выкинет нас обоих в космос.

Я улыбаюсь. Всё же его юмор спасает.

— А ещё он нас спалит, если разговор будет длиться доль-

ше шестидесяти одной секунды, Лисса, — говорит Таргент и замолкает.

Я тоже долго молчу.

— Шестьдесят одной секунды... — повторяю тихо. — Так мало Тар.

— Мало, — соглашается он, — но всё же лучше, чем ничего. Не так ли?

Вот теперь стою, уставившись в никуда, и пытаюсь осознать, как уместить целую вселенную эмоций из тревог и любви, в ничтожные шестьдесят один секунд. Иногда за шестьдесят одну секунду можно сбежать из горящего дома. Влюбиться. Навсегда потерять. Спасти кого-то. А иногда — только вдохнуть и выдохнуть. И уже всё. Конечная станция — Космос. Все на выход!

— Что можно сказать Клэр за такое короткое время? Что не сломает её, но при этом даст хоть крошку правды? Я не хочу её пугать и не хочу обманывать.

— Можешь ей полуправду сказать, — мягко предлагает Тар.

— Например?

— Ты уехала с Каслом жить далеко. В Австралию. Прямо на его личном джете.

Я закатываю глаза.

— Звучит неправдоподобно, кораблик. Даже по меркам сказок про миллиардеров и любовь с первого взгляда. Она знает, что я не такая.

— Тогда я бы выбрал другой вариант, Лисса. Не говорить пока ничего. Когда Касл с малышкой начнут обмен потоком, ты придёшь в тренировочный модуль. Скажу когда. Я создам за твоей спиной голографический фон — лес, горы, закат. Хочешь — скажешь, что вы взяли паузу от мира, ушли куда-то налаживать отношения. Это прозвучит очень по-человечески. А главное — безопасно. Для всех.

«Для всех», вот что он хотел мне сказать этими словами. Что Клэр грозит опасность, если я ей скажу правду? Он жесток, но ведь не настолько? Или?

Я выдыхаю и киваю.

— Поняла тебя, Тар.

Но внутри я всё ещё думаю о времени. Шесть одна секунда. Да, иногда она ничего не значит, а иногда — это единственный возможный шанс.

Я узнаю коридор, ведущий к той самой комнате. Это было не так уж давно, и маршрут уже отпечатался где-то в подкорке. Собираюсь с мыслями, делаю вдох и шагаю вперёд.

— Хей, Шерлок?

— Хм? — снова хмыкает этот подражатель с непоколебимым самомнением.

— Ты крут!

— Я крут! — подтверждает он без малейшего стеснения, и я чувствую, как он буквально расправляет свои голографические плечи.

Не могу не смеяться.

— Только не возгордись, искусственный ты мой интеллект.

— Я уже горжусь. Но если ты повторишь ещё раз, я установлю это себе на заставку.

— Комедиант, — шепчу, входя в медитационный модуль.

После получасовой лекции Кайрона в медитационном модуле, посвящённой потокам, энергетическим контурам, ментальным щитам, частотам, импульсам, фазам стабилизации и ещё десятку непроизносимых терминов, я с трудом подавила зевок. Можно заработать головную боль, только перечисляя их.

Ей-богу, его лекции по археологии казались тогда верхом увлекательности. Хотя, кто бы мог подумать, что я когда-нибудь буду скучать по рассказам о затопленных храмах и древних артефактах. А теперь вот — энергетическая анатомия потока, модульная концентрация, нейросинхронная гармонизация. Да вы шутите?!

Кто-то, пожалуйста, катапультируйте меня отсюда.

Кайрон рассказывал с таким энтузиазмом, будто читает вступительное слово на симпозиуме космических магов. Он махал руками, вызывал какие-то голограммы в воздухе, время от времени ссылаясь на какие-то древние трактаты, и всё это с таким выражением лица, словно я собиралась сдать

завтра госэкзамен по управлению квантовой синергией. Его фраза «это только базовый уровень, Лисса» добила меня.

Базовый?!

Он, по-моему, только что объяснил, как соединить своё сознание с материей и вызвать молнию силой воли. И это базовый?!

Я честно старалась быть прилежной ученицей, кивала, делала вид, что понимаю, и даже задала один дурацкий вопрос. Но, если быть откровенной, мозг к середине лекции начал перегреваться. Он просто отключил приём новой информации и тихо плакал в углу, завёрнутый в одеяло.

Тем не менее, несмотря на объём и академическую подачу, кое-что во мне резонировало. Не знаю, то ли от его уверенности, то ли от того, как всё это вдруг стало частью моей новой реальности. Для меня Поток был больше не только что-то абстрактное. Он уже есть во мне, и это не просто мистика, а часть меня. Моя ответственность, и, как ни странно, даже немного... моё?

Так что я выпрямилась, взяла планшет, на который он сбросил схему медитационной стабилизации, и сказала с притворной бодростью:

— Всё поняла, *профессор*. Где тут зачёт сдавать?

— Ха, ха. Я оценил. Давай теперь к практике перейдём,

— говорит Кайрон, и у меня моментально загораются глаза.

Но как оказалось, я загорелась раньше времени. Практикой оказалась просто медитация. Мы легли на пол, где под

тобой — чёрный бархат космоса, над тобой — бесконечные галактики, то есть тоже чёрный бархат космоса, и вокруг тебя — спиральные туманности, парящие кристаллы и свет звёзд. Красиво! Как тут вообще сконцентрироваться и медитировать, когда вокруг тебя летят миры, кометы, судьбы, планеты. Голубые. Которых зовут «Земля».

Мои глаза резко распахнулись, и в тот же миг меня словно пронзает мягкая вспышка света. Грудная клетка словно вспыхивает изнутри, и по пальцам пробегает лёгкая дрожь: перед глазами всё ещё застыла голубая точка — крошечная, далёкая, но такая родная Земля.

Я не готова к этой идиотской медитации и не хочу здесь находиться. Моя душа всё ещё там, в той квартире, где окно открыто, а на подоконнике чашка кофе остыла на сквозняке.

Глубоко дышу, моргаю часто и в какой-то момент мне даже показалось, что здесь ветер. Кайрон не открывает глаз, а просто тянет ко мне свою огромную руку и мягко кладёт раскрытую ладонь на мой живот.

— Успокойся, Лисса, — говорит он ровно, почти шёпотом, будто бы убаюкивает.

Мы всё ещё лежим, окружённые этим невозможным космосом. Я чувствую, как его дыхание, в отличие от моего, становится медленным и ровным, и стараюсь подрожать ему, подстраиваясь под его ритм.

— Просто дыши, девочка. Вдох. Выдох. Не давай импульсам взять верх. Представь поток внутри себя не как угрозу, а

как старого друга. Кого-то, кого ты давно ждала и, наконец, снова встретила.

Он делает короткую паузу. Я даже на секунду думаю, что он закончил, даже успеваю его мысленно благодарить за этот короткий монолог, но тут он продолжает, всё тем же спокойным голосом:

— Или подумай о папе.

Мир замирает. Я замираю.

— Ты знаешь о моём папе? — шепчу я. Меня будто прижало изнутри.

— Мы знаем многое о тех, с кем вступаем в контакт. Почему тебя это удивляет? — он поворачивает ко мне голову и, впервые за всё время, открывает глаза. — Я знаю, как ты его любила. И мне жаль, что ты потеряла его.

Мы молча смотрим друг на друга. В этой тишине столько слов, что мне кажется — она громче любой речи. Я прикрываю глаза и, сразу всплывает картина: снежный склон, яркое солнце в лицо, обгоняющий ветер и наш смех, растворённый в воздухе.

Мы с папой катимся с горы на лыжах — он чуть впереди, я сзади, изо всех сил стараясь его догнать.

— Пап, не так быстро! — кричу я ему сквозь смех.

Он оглядывается, в его глазах — озорство. Потом резко тормозит, поднимая в воздух целое облако снега. Я врезаюсь в него, и мы оба падаем в сугроб, как дети, смеясь до слёз. Он обнимает меня и говорит:

— Не бойся скорости, солнышко. Дай себе её испытать. Почувствуй эту мощь, и не бойся её. Я всегда рядом и вовремя тебя приторможу.

Моё сердце сжимается и одновременно становится легче, как будто он и правда, здесь. Как будто поток — это он. Его сила, его забота и его напоминание не бояться.

Я возвращаюсь в реальность и сглатываю. Голос у меня садится, но я всё равно говорю:

— Я не хочу больше плакать, Кайрон.

— И не нужно, малышка. Ты уже настрадалась, — отвечает он просто. — Давай теперь научимся жить с той силой, что в тебе, потому что от этого зависишь не только ты, но и благополучие твоей семьи.

Он говорит не только об Авроре.

— Ты как? Не бушуешь больше? — спрашивает он спокойным тоном, будто мы обсуждаем погоду.

— Я... неуравновешенная, Кайрон?

— Ты нестабильна, Лисса. Пока. — подчёркивает он. — Когда ты научишься контролировать поток, будешь дышать по-другому. Он вплетается во всё, в твои мысли, движения, реакции. Но сейчас тебе нужно избегать любых психоэмоциональных триггеров, не вспыхивать, не напрягаться и не влезать в ссоры. Особенно с ним.

— Старайся избегать его. Я ему сказал то же самое. Он временно переедет из вашей комнаты.

Что ты натворил, Кайрон? Я не просила ничего такого.

Или всё же хотела этого? Между нами и так — пропасть, а теперь она станет чёрной дырой.

Но я не озвучиваю ничего из того, что думаю, сглатываю всё это и просто говорю:

— Окей.

— Закрой глаза, — приказывает он. — Теперь дыши, девочка с Земли, — шепчет Кайрон рядом. — Просто дыши.

Я делаю вдох. Потом выдох. Кажется, даже правильно. На какой-то момент улавливаю ритм и мне комфортно от этих глубоких вдохов.

Вдох. Поток в меня. Выдох. Поток сквозь меня. Как будто я — не просто тело, а сосуд. Сеть из каналов, по которым течёт энергия. Я вспоминаю, что он говорил: *«Поток — это не сила, которую нужно контролировать. Это союзник. Его нужно понять и принять».*

Но как можно понять то, что внутри тебя бьётся как буря и готово в любое время разрушить тебя?

— Представь, что поток — это река, — говорит Кайрон. — Она не враг. Она не утопит тебя, а держит на поверхности. Только не греби против течения.

Я пытаюсь. Представляю реку. Тёплую, мягкую, сияющую. Я сижу прямо посреди неё, погружённая в полный, безмятежный покой. Не борюсь, не ищу берег, а просто позволяю воде медленно обтекать меня, смывая тревоги.

И вдруг... передо мной вырастает волна, огромная как здание, которая накрывает меня с оглушительным, сокруши-

тельным рёвом. Мир мгновенно становится чёрным и тяжёлым, а удары воды обрушиваются с силой, способной сломать кости. Волна начинает кувыркать меня, бросая по сторонам, как невесомую щепку. Я теряю всякое представление о том, где верх, где низ. Лёгкие начинают гореть отчаянно, я судорожно пытаюсь найти путь к поверхности, но вокруг только яростно бурлящая, ледяная вода. Она душит, давит и не дает ни малейшего шанса на спасение.

Разочарована, открываю глаза и смотрю на моего наставника. Хочется и себя стукнуть и его стукнуть.

— Ты же не думала, что получится с первого раза? — хохочет Кайрон. — Если ты почувствовала его, это уже прогресс.

Он встаёт с пола и протягивает мне руку. Я хватаюсь за неё, и он мягко подтягивает меня вверх.

— Всё, беги *домой*, давай. Завтра продолжим, — говорит он бодро, словно мы просто закончили пробежку в парке.

Я приподнимаю бровь. Скептически.

Домой? У меня больше нет дома, *профессор*. Он остался в другой галактике. На планете, где пахнет выхлопными газами и сигаретами.

Кайрон, видимо, считывал мой взгляд как открытый учебник, потому что вдруг обнимает меня за плечи, прижимается щекой к моей макушке и бормочет:

— Уууу, злючка. Перестань дуться один раз.

Я только хмыкаю, но на мгновение становится теплее.

Хоть и не *дом*, но всё же — кто-то рядом стоит и даже обнимает. И больно не делает.

Глава 4. Эмоциональное фиаско

*«Власть развращает. Абсолютная
власть развращает абсолютно»
Лорд Актон*

ЛИССА

Месяц спустя

И вот так у меня начались действительно «весёлые дни», как ребята и обещали. Тренировки, уроки, снова тренировки, снова уроки, и так каждый день по кругу. Кайрон, Дарк, Алек, Скотт... и так по спирали моего выживания.

Они, кстати, очень быстро оценили мой гениальный «график», который я им заботливо разослала на местные аналоги планшетов. Для них – старая техника, которая давно не используется, но Таргент смоделировал им такие, так как я не могла работать с информацией по воздуху, как делали они. Тут нужно было умение пользоваться энергетическими нитями, ведь летящие в воздухе цифры — это были не просто голограммы, а целые мозговые импульсы, которые активировались с помощью одного устройства, похожего на широкий

браслет — ократ, так он называется. Только разница между классическим браслетом и ократом была огромной. Ократ мог увеличиваться или наоборот, уменьшаться, в зависимости от объёма обрабатываемых данных.

Если носитель долго работал с данными, то браслет становился широким на запястье, или тоненькой прозрачной нитью, если интерфейс не использовался активно. Была и третья стадия — полное исчезновение. Это тогда, когда он был в спящем режиме. И конечно, для всего этого процесса нужна была омеговская энергия. То, что у меня теоретически есть, но использовать её ещё не умею.

Кстати, прошёл уже месяц. Я считала каждую чёртовую секунду вдали от моего дома.

Так вот, в том графике, который я была так любезна, что создала для них, у всех тренировки начались очень рано утром. Здесь вообще строго соблюдали симуляцию дневного и ночного цикла, сказали, что это важно для естественного ритма тела. Молодцы. Ценят биологию. Ребята не оценили мои старания и созданный мною график, конечно, и переслали мне другой. Мне мой график тоже не подходил. Слава всем галактикам, что они его не приняли.

Самые тяжёлые тренировки были с Алеком. Он методично убивал каждую клетку моего тела. Мне казалось, что у меня болели даже мышцы на языке — хотя, казалось бы, на его тренировках я в основном только дышала, хрипела и изо всех сил старалась не умереть.

Что только он со мной не вытворял. Звучит вызывающе, но, увы, никакой эротики. Чистый, жестокий спорт. Этот проклятый тренировочный модуль словно получал удовольствие от мучений, подкидывал всё новые и новые сценарии. Откуда столько воображения у обычных стен?

Кстати, теперь я сижу на шпагате. Сама в шоке. Только это не моя заслуга, а Алека. Вернее, не Алек, а *Алксал' Тек Марен из клана Моракс*. Ужас какой. Звучит как древнее проклятие. Вообще, как позже выяснилось, почти у всех имена были сокращёнными. Такие земные версии их настоящих имён.

Я даже начала ценить эту нашу земную тенденцию — сокращать, упрощать, обрезать, так как их имён хрен назовёшь.

И вот этот Йода из клана Моракс не уставал повторять: *«Лисса, ты никогда не сможешь управлять Потокom с таким слабым телом. Или: «Лисса, ты бегаешь, как улитка».*

Бла-бла-бла. Он меня обидел.

Но теперь у меня отличная растяжка, и я даже умею немного драться. Правда, синяки не исчезают с моего тела, наоборот, с каждым днём их становится всё больше, потому что Алек зверь. Он бьёт, как мне кажется, почти в полную силу. Хотя сам, мерзавец, уверяет, что использует всего лишь двадцать процентов своего потенциала. Врёт гадюка и мои синяки — живое доказательство.

Меня никто ни один-единственный раз, не пожалел. Даже

мой ненаглядный. В один день я как раз была на пике страданий, когда он вошёл в мою комнату и увидел всё это побитое великолепие на моём теле. Ну, хоть бы что-то сказал. Хоть бы наехал на Алека за то, что тот издевается.

Но нет.

Он просто подошёл, молча рассмотрел мои синяки на теле, поднял мои руки с разодранными костяшками, кивнул и сказал: *«Скажи Дарку, чтобы добавил тебе уроки регенерации. Этот процесс тоже можно контролировать, если есть желание. Хотя большинство из нас не парится — генерация работает сама, как дыхание»*. И всё. Ушёл к Авроре.

Если тренировки с господином Алксал' Тек Марен из клана Моракс были самыми тяжёлыми, то занятия с Дарком — и даже не спрашивайте, как его на самом деле зовут — были настоящим расслаблением.

И знаете, я действительно успела убедиться в новых возможностях своего мозга. Память работает как фотокамера с допингом, и язык оказался не таким уж и страшным. Конечно, он не совсем простой, куча звуков, которые невозможно воспроизвести без заклинаний и гимнастики для языка, но всё не так плохо. Уже могу строить кое-какие фразы, иногда даже смешные. До уровня С1 мне, как до Луны бегом, но учёба идёт.

А вот тренировки со Скоттом и его чёртовыми прыжками в пространстве были самыми раздражающими из всех. Я ненавижу их. И Скотта — иногда тоже. Ну, по крайней мере,

особенно в эти моменты. Где мы только не прыгали, и где он меня только не выбрасывал, как багаж без опознавательных знаков, со своими любимыми словами: *«Ну, теперь пробуй сама»*, и исчезал.

Потом я, как потерянный турист в супермаркете ИКЕА, блуждала часами по кораблю, пытаюсь вернуться обратно. Он, кстати, никогда не выбирал простой маршрут. Только самые отдалённые, непонятные, закрученные уголки — с лестницами, туннелями и телепортирующими лифтами.

В общем, прыгать я не умею. И если честно, не хочу. Эти уроки вызывают у меня такую внутреннюю аллергию, что мне кажется, лучше я пешком пройду. Но Скотт говорит, что без них никуда. Потому что, по его словам, «планета иногда заставляет делать ноги быстро», а своими ты никуда не убежишь. Нужно что-то сверхъестественное. Например, эта их омеговская абракадабра.

А самыми любимыми были уроки с Кайроном. Настоящее спасение. Успокаивающие, действительно полезные, тёплые и душевные. С ним мне становилось легче. Как будто он был тихим островом в этом сумасшедшем омеговском океане. Мы сильно сблизились за это время. Он стал чем-то вроде, ну, не знаю, старшего брата? Душевного чайника с валерьянкой?

А главное — именно он наконец-то научил меня ставить первый базовый щит. Да-да, у меня получилось. Когда Кайрон сказал, что я «эмоционально голая» и «просвечиваюсь

как утренний рентген», мне срочно захотелось накрыться одеялом. Но он только спокойно объяснил: *«Базовый щит — это как одежда, Лисса. Когда тебе холодно, ты же не думаешь, ты просто инстинктивно её надеваешь. Тут — то же самое.»*

Эх, Кайрон. Где был этот мой базовый щит всего лишь пару дней назад?

Так вот о чём я? Ах, да, про щит. Он сработал. Не с первого раза, конечно, я ведь не волшебница. В отличие от этой идиотской реки из моей головы, во время медитации, которая продолжает меня регулярно топить, щит удался со второго раза. Я обрадовалась так, как будто сдала экзамен, что у меня даже случился небольшой выброс энергии от радости. Я, наивная, думала, что выбросы бывают только от злости, страха или паники. А вот и нет. Когда мне хорошо, они тоже могут появляться.

Кайрон тут же поднял свой щит, и мои волны от радости красиво отрикошетили по стенам и вернулись обратно в его защиту. Он только кивнул и сказал: *«А вот этот щит, Лисса, называется защитный, и он уже жизненно необходим. Название простое, но сам процесс — не быстрый. На него нужно время.»*

Ну, не знаю, как насчёт защитного, но свой базовый я сразу полюбила. Моё личное энергетическое одеяло. Даже дала ему имя — Тарс, как роботу из «Интерстеллара». И пусть теперь хоть кто-то попробует сказать, что я не прогрессирую.

И вот, когда я зашла в модуль отдыха — ну, или как его ещё называют, рекурсивная зона — в общем, в наш общий зал, я сияла, как рождественская ёлка от счастья. И как только переступила порог, вся банда дружно хором выдала:

— О-о-о, ну наконец-то она закрыта!

А Скотт, как всегда, не смог промолчать и, закатив глаза, добавил:

— Слава Теокрии. Мне наконец-то не захочется кого-нибудь прибить или биться в истерике. Поздравляю тебя.

А потом ко мне подошёл Кота, наш специалист по ментальным вторжениям. Я, естественно, отшатнулась от него как от чумы, потому что, простите, память у меня хорошая и отлично помню, что он умеет.

Он только усмехнулся:

— Ты теперь закрыта, Лисса. Пока сама не разрешишь мне заглянуть внутрь, я не смогу тебя прочитать. Давай, не бойся. — И тут он берёт и обнимает меня. А потом ещё и крутит в воздухе, как будто я не взрослая женщина, а детский воздушный шарик на верёвочке.

И все, конечно, радостно поздравляли. Все, но не ОН.

Он стоял у своей любимой панели, мрачно отпивая кофе и изображая из себя скалу. Футболка с коротким рукавом демонстративно обтягивала мышцы, и вообще весь его вид транслировал вселенское недовольство. Ужас какой.

Ну да — бедненький. Я ведь теперь закрыта. Не может больше читать мои эмоции, как газетку за утренним кофе.

Какой кошмар, правда? Ведь теперь придётся разговаривать со мной, а не только рядом проходить. Как же неудобно.

Мне очень тебя не жалко.

Я смотрю на него, широко и торжественно улыбаясь, и даже подмигиваю. Он опасно прищуривается мне в ответ, как хищник в режиме охоты.

Конечно, я не удерживаюсь и продолжаю его дразнить: поднимаю два пальца к своим губам, целую их театрально и так же прижимаю их к моей шее — туда, где теперь нарисована его *метка*. Закрываю глаза, имитируя удовольствие.

Я знаю, как они помешаны на своих знаках.

Его взгляд сразу же темнеет. Касл бесшумно ставит чашку где-то позади себя и начинает намеренно медленно идти ко мне, приближаясь и сокращая дистанцию, пока не оказывается совсем рядом. Подойдя, он кончиками пальцев отводит волосы с моей шеи. Это движение неторопливо, почти смакующе, и кажется, он наслаждается каждым миллиметром моей кожи. Затем он наклоняется и тоже прижимается губами к обнажённой шее, где мой саграм. Не торопится и не спрашивает. Просто берёт желаемое. Точно так, как пару дней назад.

А потом молча уходит. Обходит меня, не глядя в глаза, и исчезает за дверью, как тень, оставляя за собой тишину. А я? Я осталась стоять как вкопанная. С пылающими щеками. С бешеным сердцем. И с... Возбуждённой, в общем, осталось я.

Мои мысли сразу же уносят меня назад, к тем злополучным событиям, которые были всего пару дней назад.

Пять дней назад

У нас сегодня с Шерлоком миссия невыполнима. Меня сегодня ждёт важный звонок. По инструкции Таргента, я выждала момент, когда Касл был занят с Авророй, и вышла из моего модуля, то есть наших комнат.

План был прост: пробраться незаметно в тренировочный зал, а там — звонок. Эта истеричка-недодетектив подгонял меня быстрее нестись в сторону зала, одновременно умудряясь комментировать что-то наподобие, что если бы я освоила прыжки, уже была бы на месте, а так ползу, как улитка.

И почему, чуть что, сразу улитка?

Когда я, задыхаясь, добежала до зала, с меня тёк целый водопад пота.

Таргент всё твердил, что я медленная, умолял успокоиться, и не дышать так громко. Хотя, по правде говоря, мне казалось, что дышал он сам — за нас двоих. Да что там — он паниковал больше меня. Видно, перспектива быть пойманным Каслом не входила в список его любимых сценариев.

Через пару секунд тренировочный зал преобразился до неузнаваемости. Я в первый раз увидела, как работает настоящая магия корабля — как модуль буквально «пишет» новую реальность вокруг тебя. Всё начало складываться слоями, словно кто-то быстро монтирует сцену прямо у тебя на глазах. Это было круче, чем любые иллюзии из «Доктора

Стрэнджа». Настоящая технологическая сказка.

Вместо пустоты зала передо мной возник уютный кабинет. Мягкий рассеянный свет струился из высокого окна, книжные завалы хаотично громоздились на столе и полу, в воздухе витал запах бумаги и чего-то сладкого. Абсолютный бардак, и абсолютный уют. Почти как дома. Почти как тогда, до всего этого.

Я замерла, не сразу решившись сделать шаг, как будто боялась нарушить что-то живое и настоящее. Где-то на фоне Таргент что-то бубнил, что времени у нас мало, что я, как всегда, торможу, и что он вообще герой, потому что спасает ситуацию и делает всё исключительно ради моего блага. Но я почти не слышала. У меня защемило в груди от этой знакомости и от тоски по дому, по нормальности.

Он сказал спокойно, как будто ничего особенного не происходит:

— Садись за своим столом, Лисса.

Я снова застыла.

Правда была в том, что я хотела, чтобы этот стол действительно был моим. Чтобы эта комната — где-то в сердце космоса — была моей комнатой на Земле. В тёплой квартире, где окно выходит не в бездну, а во двор, и где живут люди. Мои люди.

Как я скажу Клэр, что она больше не увидит меня, и что больше никогда не увидит Аврору? Было бы проще — и, возможно, менее жестоко — если бы она просто думала, что я

пропала. Но я не могу. Не с ней. Только не с Клэр.

Я села за своим «рабочим столом». Сердце стучит так, что кажется, его слышно на другом конце галактики.

Таргент спроецировал экран прямо в воздухе. Всё выглядело земным и таким настоящим. Он пробормотал, чтобы я собралась и наконец успокоилась. Говорил, что я не должна волноваться, так как Клэр не услышит его голос, только я. Что у меня будет всего лишь шестьдесят одна секунда. И что он сообщит, когда время подойдёт к концу.

Но я его едва слушала. Всё было будто в тумане. Я скулила.

Ещё секунда — и на экране появилась проекция моей планеты. Другая секунда — и всплыл интерфейс. Чёрт возьми, это был мой WhatsApp! Мой! С аватаркой, с именем, с переписками. Всё до боли родное.

Следующая секунда — видеозвонок...

Ответ.

— Господи, Лисса! — кричит в камеру Клэр. На фоне какая-то кухня, за её спиной знакомый торшер. Она в панике. В голосе всё: страх, злость, шок. — Ты где была?!

А я... Я сижу, застряв между галактиками, между прошлым и будущим, между правдой и невозможностью её сказать.

Дыши, Лисса. Соберись. И выдай хоть какой-нибудь звук.

— Лисса, Боже! — Клэр срывается в истерику. — Почему я узнаю, что с тобой и Аврой всё в порядке от Аларии, а

не от тебя?! То есть, ты ей звонишь, а мне просто кидаешь сообщение? Я понимаю, ты там, вроде, налаживаешь отношения, но не так же!

Она почти захлёбывается:

— Я что, не заслуживаю хоть каплю внимания?! Где ты видела, чтобы современный человек просто оставлял свой телефон?! Это что за новая мода на цифровой детокс?! Это бред, Лисса. Ты с ума сошла?

Давно.

Я сижу, как вкопанная.

Лара ей говорила, что мы с Каслом якобы уехали «наладить отношения»? А Клэр ещё и какие-то сообщения получает, будто от меня. Лара покрывает меня и замечает за мной следы? Или это Касл? Что происходит?

Клэр продолжает:

— Вы вообще, где находитесь? И когда у тебя обратно билет на самолёт? — её голос срывается, но в нём всё ещё надежда. — Ты же не могла просто вот так пропасть?

Я пытаюсь что-то сказать. Хоть слово. Хоть шёпот. Но внутри — хаос. Сердце бьётся так сильно, что гул отдаётся в ушах. Перед глазами темнеет и всё вокруг замирает.

И только один-единственный звук пробивается сквозь мой ступор. Голос Таргента, истеричный:

— Лисса, нас спа...

Но не успевает Тар закончить свою мысль, как слышу позади себя спокойный, глубокий голос:

— Привет, Клэр.

Касл.

Господи. Кошмар. Он меня поймал.

Он стоит позади меня. Спокоен. Твёрд. Как будто всё под контролем. Только я одна чувствую, как мир разваливается внутри меня на куски.

Я медленно поворачиваюсь, как в замедленной сцене кошмара. На руках у Касла — Аврора. Она уже увидела Клэр на экране и радостно ей улыбается. Клэр сразу оживляется, воркует что-то в ответ, сыплет вопросами и даже умудряется вести small talk с Каслом, будто ничего странного не происходит. Он спокойно, в своей привычной манере, сообщает ей, что мы на Мадагаскаре — никогда я там не была — что у него тут якобы бизнес в виде сетей отелей, и что мы, возможно, останемся здесь насовсем. Даже приглашает Клэр и Эдварда в гости, не забыв поинтересоваться её беременностью.

Мой милый бизнесмен.

— Мам... — наконец-то выходит из меня первое слово. Клэр затихает, всматривается в экран. Она ждёт.

Я должна это сказать. Просто сделай это, Лисса. Ты же теперь почти профессиональная лгунья, детка. Ты справишься. Ещё одна роль. Сыграй пьесу.

— Мы... очень счастливы, — выдыхаю я и смущённо улыбаюсь. — Мне тут правда нравится. Я сама попросила Касла остаться. Мы начали всё с чистого листа, — продолжаю с энтузиазмом, насильно вталкивая счастье в глаза.

Вру так, что сама верю в эту фальшивую правду.

Касл спокойно кладёт руку мне на плечо. Я накрываю её своей. Всё по сценарию и всё для кадра. Мы выглядим вполне нормальной парой. Я киваю на интерьер, смахивающий на уютный кабинет:

— У меня даже первый клиент тут появился.

Клэр смеётся:

— Всё туда же, в твои переводы. Ну, хоть скажи, ты успеешь на мои роды?

Мне хочется разрыдаться.

Приеду ли я на твои роды? Приеду ли я когда-нибудь обратно? Какую ложь тебе сейчас ответить, Клэр? В какую ты поверишь?

— На острове плохая связь, мам... ты немного пропадёшь. Я тебе ещё позвоню.

Это всё, что я смогла ей соврать.

Таргент отключает звонок и связь обрывается. Я остаюсь в том же фальшивом кабинете, и в том же фальшивом кресле. Всё ещё с его рукой на моём плече, и с моей — поверх неё. Мои пальцы так сильно вцепились в его кожу, что, казалось, я вот-вот проткну её насквозь ногтями.

— Ну, так что? На роды приедешь? — шепчет он мне в макушку.

И прыжком исчезает. Вместе с Авророй, оставив только лёгкое искажение воздуха. Пространственный след быстро затянулся, как рана.

Я даже не дернулась.

Модуляция пространства, запущенная Таргентом, схлопывалась — сначала исчезли книги, потом стены, затем свет из окна. Обстановка кабинета, такая знакомая, почти домашняя, рассыпалась в прозрачные кубы-пиксели, медленно вытягиваясь в стены зала. Я осталась сидеть одна.

Смотрела, как исчезали один за другим все фальшивые предметы моей фальшивой счастливой жизни. Сцена растворялась в воздухе, как мираж. Только это проклятое кресло почему-то всё ещё стояло.

Я не проронила ни слезинки, а просто сидела в единственном кресле. И смотрела в пустые стены.

Встала. В голове была звенящая пустота, а пространство вокруг казалось фальшивым даже без декораций.

Кресло исчезло за моей спиной.

— Мне жаль, Лисса, — раздался тихий голос Таргента.

Я не ответила. Потому что если бы открыла рот, мне пришлось бы признать, что мне больно, а я не хочу больше проносить слово «больно» вслух. Оно слишком живое. Я ни с кем не хочу говорить.

— Ты всё ещё без щита, — продолжил он. — Он спалил нас по твоему эмоциональному фону. Ему хватило тридцати секунд.

Пауза.

— Я его недооценил. Прости, Лисса.

— Забей, Шерлок, — шепчу я еле слышно.

— Лисса, — голос Таргента стал мягким, почти неузнаваемым, — давай ты сначала пойдёшь покушаешь?

— Не хочу, Таргент. Ничего не хочу. Просто... перестань.

Он делает паузу. Секунду молчит, а потом пробует ещё:

— А если я покажу тебе кое-что интересное?

— Не хочу, Таргент. Просто оставь меня в покое. Пожалуйста.

Он всё ещё пытается что-то говорить, уговаривать, нащупать во мне хоть одну уцелевшую жилку интереса.

Внутри меня будто бушевал пожар, который уже давно погас, оставив после себя только тлеющие угли и пепел. Я горела, вся, до последней клетки, а теперь просто догораю, медленно, без пламени, но с тем же опустошающим жаром внутри.

Меня снова с размаху сбросили с небес на бетон. На реальность. Обратно в своё тело, в свою память и в свою беспомощность. Я чувствую каждую кость, каждую ссадину внутри, будто после падения, и всё, что я сейчас хочу, — это чтобы никто не трогал меня, и дал немного времени зализывать мои раны.

А когда я зашла в свой отсек, меня уронили с небес второй раз. На этот раз боль была не просто невыносимой, а та, что пронзила меня до костей. Настоящая и резкая. Боль предательства.

— Убери это, Таргент! Немедленно! — закричала я, голос сорвался.

Тишина. Лишь слабое шипение воздуха в вентиляции.

— Не могу, Лисса, — наконец отозвался Таргент тихо. — Касл приказал не убирать — короткая тишина, после чего он добавляет: — Это твоё... наказание.

Наказание?

Мой отсек — больше не отсек. Передо мной была моя квартира. Каждая мелочь и каждая чертова деталь. Кресло-качалка, на которой лежит мой букридер. На рабочем столе — бардак: карандаши, скомканные записи, старые наушники, чашка с дымящимся кофе. На подоконнике — мой фikus, а за окном — свет, такой же, как на Земле. Мягкий, настоящий, настолько реалистичный, что у меня закружилась голова.

В ужасе я смотрела на всё это как на бомбу замедленного действия и не могла дышать. Он позаботился напомнить мне о каждом уголке моей комнаты. Запомнил всё до последней пылинки.

Я стояла посреди своего прошлого, воссозданного в деталях, и ненавидела его за это. За то, что он превратил мои самые дорогие воспоминания в оружие, и за то, что моя жизнь теперь была такая же фальшивая, как эта комната.

Подняла взгляд и увидела даже мои дипломы на стене, а на полке сидела наша с ним фотография.

В тот день, когда мы гуляли по пляжу...

Касл обнимал меня за плечи, а я болтала по телефону с Линой. Она тогда как раз была у себя на родине, в России.

Мы хохотали, перебивая друг друга, он закатывал глаза и шептал в ухо, что ему ревниво и «неприлично» столько времени делить меня с телефоном. Я лишь посмеялась в ответ, а он взял из моих рук мобильник, попрощался с Линой коротким «всё, пока», и, прежде чем я успела отнять свой смартфон обратно, открыл камеру и сделал селфи. На снимке — он целует меня в висок, зарываясь носом в мои волосы. А я смеюсь с этой идиотской, широкой и влюблённой улыбкой.

После расставания я не убрала фото с полки. Оно стало моим личным адом. Ведь как можно выбросить снимок с отцом твоего ребёнка?

Смотрю на полку, на эту копию, созданную где-то в холодной глубине космоса, и во мне вскипает вулкан.

Как же я его ненавижу. Я быстро подхожу к полке и хватаю рамку, как нечто жутко ядовитое. Рукам хочется дрожать, но я держу крепко.

— Ты оценила мой подарок? — раздаётся за спиной голос Касла.

Поворачиваюсь. В руке всё ещё сжимаю рамку с фотографией. Он стоит в дальнем углу комнаты, облокотившись о стену — руки в карманах джинсов, взгляд прищурен.

Недолго думая, кидаю в него эту фальшивую рамку. Он даже не дёргается, а просто чуть наклоняется вбок. Рамка ударяется о стену, тут же рассыпаясь на фрагменты, и бесшумно впитывается в панель. Следом в воздух летит фальшивый букридер — он повторяет тот же трюк.

— Я помню эту сцену, — спокойно говорит он, не сдвигаясь с места.

— Я тоже, — отвечаю я, и быстрыми шагами приближаюсь к нему.

Становлюсь вплотную, и кулаками хватаю его футболку. Потом поднимаюсь на цыпочки и тянусь к его лицу, почти касаясь губами его губ.

Шепчу:

— После этого должна была быть жаркая сцена. Где я, под тобой, шепчу, что люблю. Ты так глубоко внутри меня, что я срываю голос, выкрикивая твоё имя... — его взгляд темнеет, он наклоняет голову ниже, но я выдыхаю ему в губы: — Жаль, что теперь я тебя так ненавижу.

Я медленно прикасаюсь лицом к его щеке. Затем поворачиваю голову, приближаю губы и целую его в щёку. Я попыталась отстраниться, но он не даёт.

Это тоже было. Ещё давно. Ещё в той прошлой жизни.

Касл резко обнимает, прижимая меня к себе, и целует крепко в висок. Одна рука держит мою спину, другая фиксирует мою шею. Его лицо зарывается в мои волосы, как тогда, на фото. Мой затылок будто взрывается от жара этого касания. Он спускается ниже, к моей шее, и, коснувшись сажу, легко прикусывает кожу.

Шепчет:

— Оказывается, я умею ждать, Лисса, — он сжимает меня крепче.

Его тело обжигает жаром, мускулы напряжены, а движение его рук властное. Одна начинает скользить по спине, а вторая обхватывает и сжимает мои ягодицы с такой абсолютной уверенностью, будто это территория, которой он владел всегда.

Территория была когда-то только его.

Моё сердце скулит. Оно тоскует по его запаху, по весу его взгляда и по тихому вибрационному напряжению в воздухе, когда он рядом. Моё сердце глупое и желает раствориться в нём, вернуться к тому моменту, когда всё казалось простым и чистым, до того как началась война между нами. До боли, до лжи и до того, как мы научились быть врагами.

— Оказалось, я умею ненавидеть, — шепчу в его шею и тоже кусаюсь, но в отличие от него, я делаю это сильно.

Но он делает противоположное — сжимает меня ещё сильнее, целует за ухом, ловит губами мою кожу, будто это игра.

Я резко отталкиваю его ладонями в грудь. Он не сопротивляется и отходит на шаг, позволяя мне уйти. И я, не оглядываясь, выхожу из моего персонального ада.

Скучаю по тебе.

Скучаю, милый. Так сильно, Касл, что грудь болит. Скучаю до пустоты внутри и до бессонных ночей — когда даже тишина звучит твоим именем.

Но мне комфортно тебя ненавидеть. Мне это подходит. В ненависти я знаю все правила. Я знаю, как играть, как защи-

щаться и как дышать. Потому что в ней нет слабости и опасных надежд.

И прости, что не могу простить тебя, милый. Прости, что моей любви оказалось недостаточно для нас двоих. Она оказалась слишком нежной и слишком уязвимой.

А потом начались мои кошмарные дни. Поток продолжал расти, а моё умение его контролировать — нет.

Он будто жил собственной жизнью. Как дикая река после ливня, заливая берега, сметая всё на своём пути, и категорически не желая подчиняться плотинам, которые я пыталась в спешке возводить. Мой ежедневный статус: «держусь изо всех сил и не взрываюсь». И это буквально. Потому что, как только я слишком сильно злилась, грустила или просто зевала не в ту фазу луны — начинались сбои.

Кайрон говорил, что это естественный процесс.

И всё бы ничего, но поток ведь не просто энергия. Он как живое существо. Он чувствует, когда я злюсь, когда пугаюсь и когда смеюсь слишком искренне. И в ответ он реагирует выбросами. И неважно, в медитации я или просто поскользнулась, если внутри всё кипит — корабль получает новую дозу «спонтанного улучшения интерьера».

Я живу как на пороховой бочке, внутри которой горит солнце, и каждый день просыпаюсь с мыслью: *а вдруг сего-*

дня — тот самый день, когда я сорвусь? Вдруг сегодня рядом будет Аврора?

Каждое утро начиналось с тренировки. Потом медитация. Потом тренировка щитов. Потом попытка прыгнуть в пространстве хотя бы на миллиметр, а потом и я в коме на диване ещё час. И снова тренировка. Моё тело болело в местах, о существовании которых я даже не подозревала.

Иногда я злилась на Кайрона. Иногда на Дарка, за его ве­сёлость, как будто у нас не конец света под кожей. Иногда на саму себя, что не могу взять себя в руки. А иногда — мне просто хотелось домой. Туда, где лампочки не взрываются от моего одного только взгляда, где у Авроры зуб режется и туда, где Клэр толкает мне всякую ерунду про здоровое питание и вред чрезмерного употребления кофе.

Глава 5. Быть с тобой в эпицентре, потому что я таблица с титулом «опасен»

*«Вы никогда не пересечёте океан,
если не наберётесь мужества
потерять берег из виду»
Христофор<i> </i>Колумб*

ЛИССА

Ещё месяц

Дыши, Лисса, дыши...

«Контроль», — говорил Кайрон.

«Контроль спасёт мир», — смеялся он.

Там вообще-то было про красоту, но, в моём случае, слово «контроль» больше подходит, ведь оно очень хорошо описывает мою ситуацию.

Кайрон всегда повторял это с такой уверенностью, почти с улыбкой: *«Всё просто, Лисса. Закрой глаза, соберись, дыши ровно, и станет легче»*. Он объяснял мне принцип, как будто это обычная техника. Для него всё было так просто.

Но Кайрон, сейчас мне совсем не «легче». Так тяжело и

так чертовски невыносимо.

Я просила Шерлока не докладывать о моём состоянии. Сказала, что пока нет прямой угрозы, и пока я держу себя в руках — молчать. Мне нужно было немного времени. Хотела верить, что справлюсь и что смогу вытащить себя сама. Сдержат *это*, и собрать по частям, но я чувствую, как всё внутри пульсирует, словно вот-вот меня разорвёт. Мне неизвестно, насколько это опасно, но жить с этим становится всё сложнее.

Шерлок обещал молчать. Он, наверное, испытывал чувство вины ещё с прошлого раза, когда нас спалил Касл, если ему, конечно, можно в целом приписывать какое-то чувство вины.

В такие моменты я просто хочу назад в свою человеческую форму. Хочу просто жить. Без страха, без этого постоянного напряжения и без раздвоения, которое всё стирает меня по краям. Хочу снова чувствовать лёгкость и ту наивную беззаботность, когда мир не казался минным полем. Так хочется обычной скучной жизни, потому что я так устала быть на грани.

Мне так нужна его нежность. Та, что была у нас, честная и такая *прошлая*. Меня разрывают эти чёртовые воспоминания, они как назло не стираются, а становятся намного ярче, словно всё было вчера. Скучаю по этой близости и по тому, когда не было этой тишины между нами.

А теперь тишина есть. И она увеличивается. И я всё боль-

ше теряю себя в ней.

Я иду быстрыми и целенаправленными шагами в модуль с бассейном — мне срочно нужна холодная вода.

Я наткнулась на это место случайно, блуждая по бесконечным коридорам корабля. Иллюзия открытого космоса тогда едва не лишила меня дара речи. В первый раз мне казалось, что вода вот-вот выплеснется в чёрную пустоту. Минут двадцать я заворожённо смотрела, как сквозь прозрачный композит звёзды падают на дно бассейна. Казалось, вся вода дышит их холодным сиянием, а ты сама заперта в хрупком пузыре, висящем посреди ничто.

Мне тогда было страшно спуститься. Во-первых, я не очень хороший пловец... была. Но оказалось, теперь вода это то, в чём я нуждаюсь. Она успокаивает, баюкает, и очень хорошо остужает. Во-вторых, плавать в бассейне, под которым космос, — это ужасно пугающе, но невероятно офигенно.

Глубины этой чаши я до сих пор не знаю. Я ныряла, смотрела из-под воды на звёзды подо мной, но никогда не проверяла глубину. Кстати, теперь я могу обходиться без воздуха больше пяти минут. Это неприлично нечеловечески, но я ведь вроде как мутант, и это вроде как нормально.

Так вот оказалось, что я плаваю лучше, чем раньше, быстрее, увереннее и даже со страстью. Надеюсь только, у меня

не отрастут плавники.

С того дня бассейн стал моим убежищем. Каждый раз, когда Касл оставался с Авророй, я находила повод выйти. И всегда сюда.

Я, кстати, до сих пор не разобралась, почему каждый раз уходила во время их «энергетического сеанса». Мне не нравилось там присутствовать. Это казалось не моим. Только их время, и только их ария, как будто я врываюсь в какую-то сакральную сцену, в которую не звали. А я не хотела чувствовать себя лишней.

И да, давайте честно? Я ему завидовала, что Аврора принимает эту чёртову энергию только от папы. Кайрон говорил, что у омеговцев обычно в этом процессе участвуют оба родителя. Двое. Это норма. Потому что это связь. Потому что это семья.

А Касл с Авророй так гармонично смотрятся вместе. И он, чёрт подери, так красиво закрывает глаза, когда начинает делиться с ней потоком. Это не просто забота, это как будто он растворяется в ней. На мгновение у него исчезает весь этот контроль, сдержанность, и остаётся только теплота. Он всегда ждёт этого момента.

Однажды я спросила его, есть ли у них какой-то график... хм... кормления? Он сказал — совсем нет. Есть только её зов, маленький импульс, как крошечный звонок в пространстве, что он ей нужен, и он всегда чувствует его. Это происходит не каждый день, и не так часто, как в самом начале

нашего «пребывания» на корабле. Но каждый раз, когда она зовёт, он без вопросов и без сомнений откликается и идёт к ней.

Наконец-то передо мной открывается дверь в модуль, и я торопливо захожу туда, в надежде быстро окунуться в спасающую ледяную воду, но там уже кто-то есть. Я делаю пару шагов, и вижу Касла.

Он неторопливо вытирает волосы полотенцем, полностью игнорируя моё присутствие. Передо мной его голый торс, с которого скатываются капельки воды, а на груди и шее, светится его саграм. Боже, какой он сексуальный. И какой недоступный. Мы оба такие недостижимые.

Прошёл ещё один месяц после ссоры из-за «звонка» на Землю, и весь этот месяц он ни разу не обнял меня. Я сама ему это запретила, и он не нарушает мои границы. Он вежлив, заботлив, спит, кстати, в той же кровати со мной, скорее всего, в той же копии моей квартиры, иногда мы спим втроём — с нашей крошкой посередине, но он больше не притягивает меня к себе. И я тоже не тянусь. Я всё ещё слишком злая. Наверное, всё ещё слишком сильно ненавижу его, поэтому и не делаю первый шаг.

Да и нужен ли он, этот шаг? Я не знаю, как пройти сквозь свою боль, через злость и как снова выбрать «нас». Я разучилась давать нам шансы.

Касл останавливается рядом и тихо спрашивает:
— У тебя всё в порядке?

Я вру:

— Да, — и киваю.

Он наклоняется ближе и пытается найти истину, скрытую под моей ложью. В этот момент меня охватывает острое желание нырнуть в его объятия и крикнуть в отчаянии: *«Почему ты медлишь? Вот оно моё сердце, забирай»*.

Но вместо того чтобы поддаться этому порыву, я снова киваю.

— Тар? — снова спрашивает он, но при этом продолжает вглядываться в мои глаза, будто если смотреть там долго, ответ сам появится на поверхности.

Молчи, Шерлок. Молчи, кораблик, — мысленно умоляю я его.

— Тар!?! — рычит он своему кораблю.

— Показатели в пределах нормы, Касл, — отвечает Таргент.

И я вру. И Шерлок врёт.

— Лисса?

Он больше не доверяет нам, точнее — мне. И, может быть, я бы тоже не доверяла. Наверное, я выгляжу подозрительно. Наверное, я веду себя странно. Наверное, я давно не та, кем была, и моё поведение очень нетипичное, но я научилась хорошо лгать, он меня научил.

— Всё в пределах нормы, *милый*, — говорю это сладко, с ядом и с натянутой вежливостью.

Мой голос сочтётся сарказмом, я даже улыбаюсь ему.

Но моё сердце разваливается в груди. И одновременно хочется орать. Чтобы он не ушёл. Чтобы он понял, что я на грани. Что мне больно. Что я не справляюсь.

— Сними щит, — приказывает он.

— Нет, — резко отвечаю я.

Без щита ему было удобнее, потому что я становилась прозрачной для него. Он всегда мог чувствовать мой дисбаланс, всё внутреннее состояние и каждое крошечное колебание. Тогда я была открыта, а теперь — нет. Теперь я закрытая коробочка Пандоры, то есть ящик, но суть от этого не меняется.

Спасибо моему сенсею, только он способен снять щит силой, но Кайрон пообещал мне, без моего разрешения, никогда этого не делать. И я верю ему.

— Сними щит, Лисса, — повторяет Касл, тише, но твёрже. Его пронзительный, словно луч сканера, взгляд читает меня насквозь.

— Ты истеришь, Касл. Успокойся. У тебя что, больше нечем заняться? — хмыкаю я, резко и вызывающе.

Пытаюсь защититься сарказмом, потому что всё внутри колотится.

Он наклоняется ближе, к самому уху, и говорит тихо, почти шепотом:

— Ты так дрожишь, мелкая, и ты полна энергии. Даже больше, ты едва её держишь и мне не нужен Тар, чтобы это понять.

Он замирает в полной неподвижности и тут же продолжает:

— Так что я спрашиваю тебя ещё раз. Как ты себя чувствуешь, девочка Лисса?

Мне плохо, милый. Так плохо, что, кажется, я сейчас взорвусь. Что я вою как волк на все звёзды этого чёртова космоса. А ещё мне плохо от того, что я не могу тебе в этом признаться, потому что ты мне не друг.

Я поворачиваю голову в его сторону и нежно целую его в щёку.

Он застывает. Кажется, это прикосновение пронзило его броню насквозь. На долю секунды он даже перестаёт дышать. Затем следует глубокий, контролируемый вдох, будто он отчаянно пытается заглушить ту реакцию, которую не смеет показывать.

— Я хорошо себя чувствую. Никакой угрозы взрыва, — говорю, и голос мой ровный, почти ласковый, на грани иронии. На лице — уверенная, чуть издевательская улыбка, которая дала ему понять, что я знаю, как мой поцелуй подействовал на него.

Из меня вышла отличная актриса. Выжженная изнутри, но с безупречным фасадом.

Его дыхание становится рваным, вопреки всей хвалёной выдержке. Тяжёлый взгляд задерживается на мне слишком долго. Почти говорит что-то. Почти.

Я тороплю процесс его исчезновения из этой комнаты

и кидаю ему снисходительную улыбку, такую спокойную и чуть свысока. Касл прищуривается и детально сканирует меня, пытаюсь поймать правду сквозь ложь, которую я ему несу. Но опять выбирает молчание. Сжав челюсть, он резко поворачивается и направляется к выходу, не проронив ни звука.

Моя фальшивая улыбка всё ещё приклеена к лицу, держится до последней секунды, и сразу же исчезает, как только он выходит. Слетает, будто сдирается вместе с кожей.

Во мне бушует ураган, словно каждая клетка тела натянута до предела и вот-вот треснет.

Мне нужен этот чёртовый холодный глубокий бассейн.

С трудом делаю шаг в сторону него, почти не в состоянии двигаться.

Ещё один, Лисса, последний, и ты почти у воды.

Мне даже не важно, в одежде ли я, мне просто нужно коснуться поверхности, нырнуть, утонуть на минуту и замёрзнуть изнутри, прежде чем меня разорвёт.

Но я не успеваю...

Ноги внезапно подкашиваются, и я падаю прямо у кромки космического бассейна. Колени глухо ударяются о пол, руки дрожат, я почти касаюсь ладонью воды. Она рядом, совсем рядом, осталось только наклониться вперёд и нырнуть туда.

Секунда... Поднимаю голову высоко вверх. Смотрю в потолок, как будто звёзды сквозь него смогут мне ответить. По щеке — слеза.

Вторая секунда. Внутри рвётся желание закричать и про-

силь о помощи. Орать так, чтобы услышал весь космос. Чтобы кто-то, что-то спасло меня.

Следующая секунда — не могу выдать уже ни одного звука. Вода в бассейне оживает. Тяжёлая гладь медленно тянется вверх, в воздух. И я ясно понимаю, что закон гравитации нарушается только благодаря мне — никакой магии.

А дальше... я начинаю терять контроль. Он рассыпается у меня неувимым, зловещим скольжением, мне назло, будто демонстрируя: *«Смотри, чем придётся платить за легкомысленность»*. И я уже не в силах вернуть его обратно.

Что я натворила? Я его теряю... теряю!

Пятая секунда. И всё происходит одновременно — воздух со свистом разрывается и Касл на пределе своей скорости влетает в модуль. На лету подхватывает моё обмякшее тело и намертво прижимает к себе, будто сейчас развалится не только я, но и весь корабль, если он меня не удержит.

Я не могу больше сдержаться.

Разряд.

Взрыв.

И я ору.

Поднятая в воздух многотонная масса воды с грохотом обрушивается на нас, разлетаясь яростными брызгами. Кажется, будто звёзды за стеклом дрожат в такт этой буре.

Моё тело дрожит в его руках, волна срывается наружу, меня не просто трясёт, а изнутри словно выдавливает всё. Поток рвётся, как лавина или как удар при аварии — без тор-

МОЗОВ.

Шерлок орёт, что-то про блокировку, и про выброс, про перекрытие сектора и нестабильные показатели, но мне плевать. Я слышу только Касла. Он держит меня мёртвой хваткой. Его губы у самого моего уха, а низкий, хриплый голос не пытается меня остановить. Он просто разрешает мне быть.

— Я с тобой, мелкая. Давай полностью. Не сдерживайся. Выброси всё, что есть. Я смогу всё... слышишь?

Держит крепко, дышит тяжело. Впитывает мой взрыв без сопротивления, как будто знал, что этот момент рано или поздно настанет.

Касл скрипит зубами так сильно, что я слышу этот звук, будто резкий скрежет металла по стеклу, и он пробирает меня до костей. Ему больно. Я это чувствую всем своим телом.

Мне говорили — нельзя вырубать омеговца в выбросе, потому что может случиться непоправимое. Только я не знала, что в реальности это будет означать одно: Касл будет ловить на себя каждую мою волну. И терпеть боль.

И я уже не сопротивляюсь и не держу. Отдаю всё, что рвалось наружу, и отпускаю себя. Всё, что сжигало меня изнутри, теперь выходит и мне вдруг ужасно легко. Так легко, что я почти не верю, что это всё прошло. Тело, как после лихорадки — мокрое, ослабевшее, но тихое.

Колени подгибаются, и я просто таю в его руках.

— Прости, — шепчу я в его грудь, еле слышно, почти беззвучно.

Но он слышит. Его рука на моей спине сильнее сжимается, прижимая меня к себе ближе, так будто я могу рассыпаться, если он отпустит хоть на миллиметр.

Мы оба мокрые — волосы, одежда, кожа. Я не знаю, что это скатывается по его груди, мои слёзы или вода с волос. Касл дышит часто, грудная клетка поднимается с усилием, словно каждое дыхание даётся ему с боем. А потом — тише, медленнее. Ровнее. Он начинает приходить в себя.

Я остаюсь в его руках, не двигаясь. И впервые за долгое время мне не хочется вырываться из его объятия.

Касл наконец-то отстраняется, отодвигается от меня, но руки так и не отпускают. Его пальцы глубоко впиваются в мои плечи, а взгляд тяжёлый, и в нём уже не тревога, а сплошной гнев.

— За что ты просишь прощения, Лисса? — голос низкий и грубый.

Это не вопрос. Это приговор.

— За обман? — продолжает он, не дожидаясь ответа.

Он не отпускает мои плечи, только сжимает сильнее, и мне даже не больно — скорее стыдно. Стыдно так, что внутри всё сжимается.

— Может, за свою чрезмерную гордость? — снова тишина, снова его голос.

— Или может быть за безответственность и самоуверенность, которые могут стоить кому-то жизнь? — каждое слово было как выстрел.

Касл в ярости.

— Что, чёрт возьми, тебе было непонятно в моём вопросе, когда я спросил, как ты себя чувствуешь?

— Прости, — шепчу ещё раз.

— Ты ещё не осознаёшь последствий, и не понимаешь, что внутри тебя растёт огромная сила, и я всегда должен знать правду о твоём состоянии?! Ты хоть представляешь, что бы случилось, если бы этот выброс был рядом с Авророй?!

Молчу. Внутри пусто — и душевно, и физически. Только усталость и огромная вина.

Он смотрит в мои глаза, не отпускает, и тихо, но с внутренним рыком, произносит:

— А теперь, Лисса. Сними щит.

Касл не просит, он требует.

Я молчу и без всхлипов роняю слёзы. Они просто текут — тяжёлые, как камни, и падают прямо ему на руки, на грудь и на пол. Не могу их остановить, как не могу остановить всё, что сейчас разрывает меня изнутри. Отрицательно качаю головой несколько раз подряд, говоря ему таким образом «нет».

— Сними. Чёртов. Щит, — говорит он, и каждое слово звучит как гром, от которого стены должны трескаться.

— Касл, — раздаётся строгий и ровный голос Кайрона со стороны. — Отойди от неё.

Касл медленно поворачивает голову. Его глаза темнеют, и

не просто темнеют, а проваливаются в чёрную бездну. Цвет его саграма становится ярче, словно в нём сгорает остаток терпения. В этот момент он почти готов атаковать Кайрона, если нужно.

Кайрон чувствует это и спокойно делает шаг вперёд. С абсолютной уверенностью, указывает пальцем прямо в него и рычит:

— Не смей!

В воздухе сразу становится тесно от давления и энергии, кружащихся вокруг них. Оба они стоят напротив друг друга — две горы, одинаково мощные.

Касл сжимает челюсть и молчит. Но по тому, как ходят у него скулы, я понимаю, что он балансирует на самой грани. Его сдерживает только то, что Кайрон — один из немногих, кому он доверяет жизнь, и кому боится навредить.

— Не смей, — повторяет Кайрон.

— Сними с неё щит, — тихо, но неотвратимо бросает Касл.

Кайрон медленно качает головой, не делая и шага назад.

— Не буду ничего снимать. По закону я не имею права. Она полноценный гражданин Омеги, и ты знаешь, что у нас это запрещено. Даже ради таких, как ты.

Кайрон смещается чуть вбок, попадая в поле моего зрения, и протягивает ко мне раскрытую ладонь.

— А теперь, принцесса, иди ко мне, — его голос звучит мягче, но в нём всё ещё есть сила.

— Никуда она не пойдёт, — резко отвечает Касл.

Его голос колючий, а лицо жёсткое. Он пульсирует, как провод под током. Я понимаю его и даже не могу злиться на это.

Кайрон делает ещё шаг вперёд.

— На праве наставника, я — Кайрон Каэн'Лиор из клана Моракс, вызываю к себе свою ученицу Лиссу Грин Кайлар из клана Ориген. Немедленно.

Кайрон не кричит, но его голос звучит очень формально, и от этого становится ещё тише в модуле. Даже Шерлок на фоне затаился, не рискуя вступать.

Касл долго смотрит на него. Гнев в его глазах выгорает, уступая место свинцовой усталости и горечи. Он коротко хмыкает, будто весь этот сценарий был до тошноты предсказуем, переводит взгляд на меня, затем снова на Кайрона и едва заметно, неодобрительно качает головой:

— Теперь всё между нами по протоколу, да, Кай?

Его хватка ослабевает. Медленно, без рывков он отпускает меня. Руки исчезают с моих плеч, и по телу тут же прокатывается волна холода, словно меня лишили защитной брони.

Кайрон кивает.

— Шагай ко мне, Лисса, — спокойно снова зовёт он меня, как будто мы все находимся на минном поле, и нам жизненно необходимо сохранить полное спокойствие.

Ватными ногами иду к нему. Он сразу крепко обнимает

меня, и шепчет в макушку, что я молодец, что всё будет хорошо, и мы выходим из отсека.

Шаги гулко звучат по пустому коридору. Я прислоняюсь к нему плечом и, почти неслышно, шепчу:

— Я что-то натворила, Кайрон.

— Я знаю, принцесса, — отвечает он спокойно. — Всё хорошо. Не переживай. Мы знали, что так будет.

Сенсей слегка сжимает моё плечо и говорит мне в висок:

— Он немного дёрганный сейчас, потому что он принял на себя твой взрыв. Скорее всего, держится на последней молекуле самоконтроля. Но через пару часов он будет в норме и снова станет твоим ласковым суженым.

— Это больно? — спрашиваю, не поднимая головы.

— Невыносимо больно, принцесса, — честно говорит он. — Я вообще удивляюсь, как он тебя на месте не прибил. — Кайрон коротко хмыкает, но тут же тушит улыбку: — Если без шуток, твой Касл — кремьень. Всё хорошо впитал. Мы бы вообще ничего не заметили, если бы не Таргент, который истерично нам завопил о катастрофе.

— Так ты кого пришёл спасать, Кайрон? — я упрямо смотрю прямо перед собой, избегая его взгляда.

— Тебя, Лисса. Исключительно тебя, — его тон теряет привычную лёгкость, становясь веским. — Я всегда буду на твоей стороне. Касл — взрослый мужчина и он может сам о себе позаботиться. А ты — моя хрупкая ученица. И я из клана Моракс, а мы не отступаем и защищаем своих до по-

следнего. Даже если угроза приходит от клана Ориген. Даже если это член Совета. Даже если он... В общем, просто не бойся.

— Я не боюсь его, Кайрон, — тихо и разбито отзываюсь я.

— Знаю, Лисса, — он качает головой, не осуждая. — И, по сути, чего тебе бояться? Но с той дозой энергии, которую он принял от тебя, в этот момент он мог быть опасен.

— Почему? — мой голос становится чуть резче.

— Потому что в нём живёт огромная сила, — отвечает Кайрон. — И такую силу нелегко удерживать в балансе. Особенно когда она смешивается с чужим потоком. Большая сила — это не просто дар. Это нагрузка и последствия. А сегодня ему пришлось впитать огромную порцию сырой энергии и удержать всё, что ты больше не могла нести. Это не просто, а чертовски тяжело. Вот почему я не захотел проверять его на прочность. Ни тебя, ни его.

— Он бы ничего мне не сделал, Кайрон, — говорю твёрдо, глядя на него в упор. — Он сам говорил не сдерживаться, и просил, чтобы я всё выбросила. Держал меня, когда никто другой не мог. А вот твоё недоверие ударило по нему сильнее, чем мой взрыв.

После этого я не видела Касла два дня.

Каждый раз, когда я спрашивала, где он, мне, как по инструкции, отвечали, что он занят. Выясняет там что-то с Таргентом, переписывает ядро и работает над структурой доступа. Ясно, что я опять подставила Шерлока, когда просила его

не раскрывать, что на самом деле происходит со мной.

Касл не появлялся в жилом модуле, не подходил к малышке и не присылал уведомлений. Словно намеренно растворился в глухих технических недрах крейсера.

А потом, ещё через день, среди ночи, я проснулась от лёгкого шепота.

Он и Аврора. Они устроились прямо на постели, совсем близко от меня. Малышка тихо заливалась смехом, а он что-то негромко баюкал ей на ухо, прижимая к груди так, словно последних дней кошмара никогда не существовало. Касл улыбался ей. Той самой тёплой, искренней улыбкой, от которой у меня внутри всегда болезненно сжималось сердце.

Потому что эта улыбка принадлежала только дочери. И никогда — мне.

Они поиграли ещё немного. Касл уложил малышку и отнёс в детскую. Вернулся почти сразу, лёг набок, лицом ко мне.

Я смотрела в его глаза. Могла читать в них немой упрёк: *«Твоё недоверие... болит. Я бы тебе ничего не сделал».*

И я бы могла ответить: *«Я знаю. Прости».*

Его взгляд не отпускает меня, почти слышу, как он внутри шепчет: *«Я могу выносить твою злость, твои взрывы, даже твою ненависть, но не недоверие. Это то, что ломает меня...»*

Между нами действовал негласный закон, соблюдаемый истовее древней клятвы: молчать, когда речь заходит о кри-

тически важном. Звуки только портили суть. Слова чересчур прямолинейны и убоги для того, что клокотало внутри, слишком тесны для нашей боли.

В этот раз я перешагнула через запрет.

— Прости, — шепчу ему.

Он долго молчит. Тишина между нами плотная и настояренная. Наконец он глухо спрашивает:

— Как ты себя чувствуешь?

Скучала и переживала по тебе.

— Сейчас очень хорошо, спасибо. Меня больше не распирает на части, и не хочется взорваться, как салют в Новый год, — я улыбаюсь ему.

Касл хмыкает, и улыбается мне в ответ. Он убивает меня этой улыбкой. Спокойной, чуть усталой, но в этот раз такой искренней. Тянет ко мне руку и убирает волосы в сторону, открывая мою шею.

— Ты никогда не должна бояться меня, Лисса. Даже когда я в бешенстве, никогда не причиню тебе вреда.

— Я знаю, Касл.

И, возможно, это первый наш нормальный разговор за долгое время — без упреков и напряжения. Почти по-семейному.

— Такие выбросы ещё будут? — спрашиваю его.

— Не знаю, мелкая. Всё слишком непредсказуемо и всё ещё так разбросано. Нам катастрофически не хватает информации, не хватает данных. Мы до сих пор не понимаем,

с чем имеем дело. Ты ведь, — делает паузу, — первая у нас такая. Не так ли?

Касл проницательно смотрит на меня, почти изучающе, и ждёт моего ответа.

Что он хочет услышать? Мне нечего ему сказать и никогда не будет.

Он усмехается. Склоняется, прикасается губами к моей щеке и привычно целует меня, там, где пульсирует мой сагитальный канал, как будто подтверждает, что я его. Несмотря ни на что. Несмотря даже на меня.

Легко встаёт с кровати, а я остаюсь лежать, чувствуя, как след его губ ещё горит на коже. Он не сказал «я прощаю тебя». Никогда не говорит таких слов, но, наверное, не потому что не прощает, а потому что уже давно живёт по-другому. Где важное — не объяснять словами, а оставаться, держать крепко и брать на себя чужую боль.

Я провожаю его взглядом, как всегда, немного с любовью, немного с упрёком, немного с тоской и с тонной ненависти. Где-то внутри себя шепчу: «Спасибо, что держал меня».

Он идёт в сторону двери, замедляется, будто что-то вспоминает, и бросает через плечо:

— Я загружу тебе новую программу стабилизации потока. Кайрон говорил, ты готова перейти на следующий уровень.

Он улыбается, чуть шире:

— Постарайся в этот раз не спалить пол отсека, ладно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.